

Валерия Чернованова

Избранница стража мглы.
Цветок из пламени

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Избранница стража мглы

Валерия Чернованова

**Избранница стража
мглы. Цветок из пламени**

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Чернованова В. М.

Избранница стража мглы. Цветок из пламени /
В. М. Чернованова — «АЛЬФА-КНИГА», 2019 — (Избранница
стража мглы)

Еще совсем недавно я была пустышкой. Девушкой без магического дара и надежды создать семью. А теперь у меня есть муж, которого одновременно люблю и ненавижу. И магическая сила, которую даже не чаяла обрести. Жаль, это не единственные перемены в жизни... В королевстве пробуждаются темные силы, при дворе устраиваются заговоры и плетутся интриги. А мы с маркизом как-то незаметно оказываемся в эпицентре всех волнующих событий. И если для девушки из провинции такие испытания были бы не по силам, то новая Александрина непременно выстоит. Назло всем демонам, врагам и завистникам!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чернованова В. М., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерия Чернованова

Избранница стража мглы. Цветок из пламени

Пролог

– Ваша светлость, – низко кланялись слуги, приветствуя герцогиню д’Альбре.

Серен шла, высоко подняв голову, наслаждаясь раболепным почтением, которое оказывала ей прислуга. Слыша, как шуршат, лаская слух, юбки ее роскошного наряда из изумрудной тафты. Ощущая тяжесть золотых подвесок, сверкавших на солнце. Задумчиво перебирая изящными пальчиками драгоценные аграфы, коими были заколоты полы ее верхнего платья.

Несомненно, новая оболочка была недурна, и чародейка даже готова была с ней свыкнуться. Если бы к смазливой мордашке Опаль и немалому состоянию д’Альбре прилагалась еще и дарованная ей Единой сила. А так... она превратилась в посредственную магичку, стихией которой был воздух.

Серен не собиралась влачить бесполезное существование, вполне устраивавшее Опаль.

Из жены бесстрашного стража в супруги недалекого толстяка? Из первой красавицы Вальхейма, которую боготворило все королевство, в симпатичную, но мало чем примечательную кокетку?

Нет! Не для того она умирала, чтобы воскреснуть в никчемном теле. И уж тем более без силы морров ей не занять достойного места в новом мире, который создавал ее покровитель.

Сад наполнился щебетом птиц и журчанием фонтанов, ароматом цветов, медово-сладким, отчего у герцогини слегка кружилась голова. А может, причиной тому было осознание того, что она наконец ожила. И если бы не досадная ошибка, сейчас Серен могла бы в полной мере наслаждаться новой жизнью.

Заметив в глубине сада беседку, густо увитую лозой, женщина замедлила шаг. Его высокопреосвященство любил трапезничать в одиночестве, и, наверное, ей следовало обождать, не тревожить его в данный момент. Но поворачивать назад было поздно: кардинал заметил ее и жестом подозвал к себе.

Приблизившись к служителю Единой, герцогиня опустила в низком реверансе, коснулась поцелуем холеной кисти, униженной перстнями, и не поднимала глаз, пока не услышала тихий, лишенный эмоциональной окраски голос:

– Правду говорят, судьба коварна и непредсказуема. Когда-то давно я прочил вас в жены моему сыну, но вы выбрали маркиза. И вот сейчас вы являетесь ко мне в качестве невестки. Забавно получилось, не правда ли?

От досады Серен едва не заскрежетала зубами. В отличие от кардинала Бофремона, растягивающего губы в улыбке, новоиспеченной герцогине д’Альбре было не до веселья. Ее чуть не вывернуло наизнанку, когда с утра она обнаружила бастарда его высокопреосвященства в собственной спальне в одном шлафроке и ночном колпаке. А уж когда эта туша попыталась облизывать ей губы поцелуем... Обладая Серен огненной силой, мигом превратила бы «муженьку» в головешку.

– Да, судьба та еще шутница, – вынуждена была согласиться ее светлость. Повинуясь очередному безмолвному приказу, села за стол напротив прелата и приняла из его рук хрустальный кубок, наполненный золотистым вином, пронизанным лучами яркого летнего солнца.

– Рад, что ты вернулась, – тихо промолвил мужчина и пригубил немного вина из своего кубка. С невозмутимым видом продолжал, подкладывая себе в тарелку пирожные на меду: –

Признаюсь, я много раз пожалел о том, что уступил уговорам графа де Вержи. Не следовало соглашаться на этот союз. Эта ревнивая девица чуть не погубила маркиза, когда он был нам так нужен. Подбила Кретъена вызвать стража на дуэль. Идиотка, – флегматично припечатал его высокопреосвященство. – И даже после того как я велел Опаль сидеть дома, она ухитрилась вмешаться в наши планы. И вот ты здесь, а сила твоя теперь принадлежит другой.

– Это ненадолго, – проглотив насмешку, сквозившую в голосе кардинала, процедила молодая женщина.

– Как думаешь возвращать свое наследие? – промокнув губы салфеткой, осведомился негласный правитель Вальхейма. Откинувшись на спинку стула, принялся оглаживать редкую с проседью бородку, пристально глядя на свою собеседницу. – Добровольно маркиза с ним не расстанется. А без ее согласия тебе свою силу обратно не получить.

– Александрин – наивная провинциальная девочка. Глупышка, которую будет легко перехитрить, – самоуверенно усмехнулась Серен. – К тому же у меня имеется козырь – ее любимый муж. Заартачится – и Моран сразу умрет.

Некоторое время кардинал Бофремон молчал, гипнотизируя свою визави задумчивым взглядом. Потом, поднявшись из-за стола, поманил чародейку за собой. По узкой, посыпанной щебнем дорожке они направились вглубь парка, где в густых зарослях деревьев скрывались вольеры. Здесь не было слышно беззаботного птичьего щебетания и в воздухе витал не аромат цветов, а тошнотворный запах гниения, заставивший ее светлость поморщиться и прикрыть нос платком.

В тени, под густыми кронами, точно одичавшие звери, по клеткам жались одержимые. Изможденные, в лохмотьях, с безумными глазами, они то рычали, то скулили и с ненавистью и надеждой смотрели на своего мучителя.

Серен передернуло от отвращения. Не умри она тогда, и могла бы стать точно такой же. Обезумевшей, разлагающейся заживо, пожираемой изнутри ненасытной тварью – демоном.

– Ты ведь понимаешь, – с любовью оглядывая свой «зверинец», сказал кардинал Бофремон, – для того чтобы вернуть старый порядок, мне потребуются самые сильные маги королевства. Настала пора моррам возродиться. А слабым колдунам, вроде их величеств, – кануть в Лету. Серен, твоя сила – вот что делало тебя особенной. Ты должна была стать королевой нового королевства. Но без наследия морров, увы, будешь для меня бесполезна. Разберись со своей кузиной. Да поскорее. Но даже если не вернешь силу, – обернувшись, кардинал приблизился к бледной от напряжения женщине, отеческим поцелуем коснулся ее лба, – знай, ты всегда будешь желанной гостьей в моем доме. В качестве невестки, конечно же. А теперь иди. Уверен, у той, которая только что воскресла из мертвых, имеется немало забот.

Опустившись в глубоком реверансе, герцогиня выпрямилась и, едва сдерживая клопочущую внутри ярость, вызванную насмешливым тоном кардинала и осознанием своего шаткого положения, заспешила обратно. Прочь от душераздирающих стонов, невыносимого зловония и атмосферы безысходности, нависшей над этим местом.

– И да, Серен, – окликнул ее Бофремон, заставив остановиться, – раз уж ты застряла в этом теле, будь поласковой с моим сыном. И даже не думай о том, чтобы стать вдовой. – Голос сочился медом, но за этой напускной лаской, герцогиня чувствовала, скрывалась угроза. – Лучше позаботься о том, чтобы у рода д'Альбре наконец появился наследник.

Зажмурившись на миг, ее светлость ускорила шаг, мысленно проклиная Морана за то, что полюбил другую. Берзэ – за то, что посмела так непростительно ошибиться. Заодно вспомнила и свою кузину, которой достался и красавец-муж, и ее имя. А главное – ее сила!

Которую Серен поклялась во что бы то ни стало себе вернуть.

Глава 1

Учиться, учиться и еще раз учиться. Именно этим наказал мне заняться мэтр Легран, отбывая утром в королевский дворец. Уже второй день мой спаситель пытался добиться аудиенции у Люстона XIV, дабы рассказать его величеству о коварных планах стража, моего несостоявшегося убийцы и по совместительству мужа.

Фальшивого мужа. По-другому его и не назовешь, ведь наш брак изначально был всего лишь фарсом. Фатальной ошибкой, которая чуть не стоила мне жизни.

И пока мэтр Легран терпеливо обивал пороги Анфальма, я сидела в кабинете мага, отгородившись от окружающего мира стопками книг. Первое, что должна буду освоить, сказал колдун, – это контроль над огненной стихией, самой непокорной из всех, что создала Единая.

Подружиться с магией в моем возрасте задача не из легких. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут. Я бы с удовольствием посвятила себя непрошеному подарку злодейки-кузины, да только о какой концентрации может идти речь, когда меня на кусочки разрывают противоречивые чувства?

Ненависть к Опаль. Всепоглощающая ярость, что вспыхивала всякий раз, стоило подумать о страже. А думала я об этом мерзавце постоянно. Никак не получалось выбросить его из головы. Вот упрячут бессердечного колдуна в Фор-Левек – крепость, в которой томятся самые опасные преступники королевства, – тогда успокоюсь.

А пока... Какое тут чтение, когда, несмотря ни на что, я все равно о нем тревожусь. Главное, чтобы был жив. А там уже пусть судят его по всей строгости закона. Вместе с желтозубой каргой, сообщницей Серен.

Перелистнув очередную страницу, устало откинулась на спинку кресла. Прикрыла глаза, с грустью понимая, что в памяти не сохранилось ни строчки из того, что только что прочитала. И вряд ли от дальнейшей медитации над учебниками будет какой-то толк. Пока не узнаю, что с ним произошло, не найду себе места.

Мэтр Легран настоятельно советовал не высовывать на улицу даже носа. Сидеть в его кресле, корпеть над его талмудами и не думать о том, чтобы возвратиться в отель Ла Рийер, который я еще недавно по ошибке считала своим домом.

Вот только мало приятного в том, чтобы чувствовать себя беспомощной и бесполезной. Пока я здесь вроде как учусь, отсиживаюсь трусливо, Моран пропадает неизвестно где, а Опаль упивается своей безнаказанностью и наверняка строит новые козни.

Небось решила, что ей все сойдет с рук. К сожалению, по словам мэтра, предъявить обвинения невестке кардинала Бофремона, главного министра его величества, будет непросто. Это почти то же самое, что попытаться арестовать, ну, скажем, принцессу крови. Поговаривают, его высокопреосвященство обладает большей властью, чем сам король. Сомнительно, что он допустит даже косой взгляд в сторону его семьи, тем более обвинение в преступлении.

Но я сама себя не прощу, если буду сидеть сложа руки и позволю этой гарпии продолжать ее грязные игры.

Не способная усидеть на месте, чувствуя себя зверьком на привязи, я подскочила с кресла. Написала мэтру Леграну короткую записку, в которой извинилась за то, что вынуждена была покинуть его гостеприимный дом. Попросила держать меня в курсе поисков мужа. Потом, зачеркнув слово «муж», заменила его нейтральным «маркиз», придавила листок тяжелым пресс-папье в виде бронзового скарабея и поспешила вниз – просить прислугу заложить беглянке карету.

Тогда еще не представляла, как поступлю, но точно знала, что бездействовать больше не буду. Не буду безвольно плыть по течению, а сама позабочусь о своей судьбе. Заодно и о судьбе одной сероглазой змеи, раз в темницу герцогиню упечь не получится.

Но сначала разыщу этого предателя де Шалона.

Вот с таким воинственным настроем я отправилась в дом маркиза, в котором на меня, точно оголодавшая свора, набросились с расспросами слуги. Бедняги не находили себе места из-за нашего с мессиром отсутствия. Отделавшись пространными объяснениями, велела Мадлен помочь мне переодеться.

Пока девушка колдовала над моей прической, украшая сколотые на затылке кудри жемчужной нитью, я просматривала накопившуюся за последние дни корреспонденцию. Обычно этим занимался Моран, но раз уж маркизу не до того... Сердце предательски сжалось. Обозлившись на себя за мягкотелость, нервно скомкала и бросила на столик очередное приглашение на бал. За ним еще и еще, пока не добралась до последнего послания, скрепленного печатью из красного сургуча.

Письмо было от... ее величества королевы.

– Ах! – восторженно выдохнула Мадлен, не сумевшая отказать себе в удовольствии и вместе со мной пробежавшаяся взглядом по строчкам. – Это же такая честь! Ваша светлость, я так за вас рада!

А вот я за себя нисколько.

Устало вздохнула, откладывая в сторону монаршее послание. Только назначения во фрейлины мне сейчас не хватало.

Закончив взбивать мне волосы у висков, Мадлен заботливо расправила складки моего муслинового, винного цвета платья и полюбопытствовала:

– Ваша светлость изволит отправиться на прогулку?

Я скинула взгляд. В зеркале отражалась статная черноволосая девица с плотно сжатыми губами и ярко-зелеными глазами, в которых читалась отчаянная решимость.

– Нет. Хочу навестить одну старую знакомую. Герцогиню д'Альбре.

Для похода к больной на всю голову стерве было отобрано два бугая из слуг, которых я настоятельно попросила сохранять на лицах зверское выражение на протяжении всей поездки. Охрана лишней не будет. Конечно, сомнительно, что ее чокнутая светлость набросится на меня посреди бела дня, в своем собственном доме, на глазах у челяди. Но так я чувствовала себя спокойней.

Интересно, Опаль уже в курсе, что я осталась жива, а ее мордоворотов скоро вздернут на виселицу? Если нет, будет герцогине сюрприз. Если да – я все равно обязана с ней встретиться. Пусть знает, что нажила в моем лице заклятого, непримиримого врага.

Дворец д'Альбре из розового кирпича, такого же розового, как закатное небо, пронзенное шпилями округлых башен, возвышался на вершине холма. У ворот нас встречали швейцары с алебардами наперевес. Оба были одеты в короткие куртки и ренгравы – широкие, по последней моде, штаны с буфами.

Поинтересовавшись моим титулом и получив исчерпывающий ответ, стражники расступились. Карета покатила к парадному входу дворца, возле которого мою светлость уже поджидал мажордом. Не переставая лебезить и кланяться, слуга предложил следовать за ним по длинной анфиладе, чуть тронутой лучами заходящего солнца.

Герцогиня коротала время за самолюбованием. Стоя возле стены, представлявшей собой одно сплошное зеркало, по краям которого серебрился замысловатый орнамент, Опаль придирчиво, я бы даже сказала с каким-то педантизмом, рассматривала свое отражение, словно видела его впервые в жизни. А заметив в зеркальной глади меня, вздрогнула и резко обернулась.

– Как неожиданно, – жеманно удивилась д'Альбре. Постаралась растянуть губы в улыбке, но у нее это вышло плохо. – Вы – и у меня в гостях. Да еще с такой колоритной свитой, –

стрельнула по моим спутникам настороженным взглядом, после чего нетерпеливо поинтересовалась: – Зачем пожаловали?

Еще и спрашивает? Явно не в бильбоке играть.

«А расчертить с помощью твоей головы зеркало трещинами», – мечтательно подумалось мне.

Вслух же, взяв себя в руки, сказала:

– За сатисфакцией.

– Какого рода? – еще больше насторожилась ее светлость.

Интересно, Опаль правда думает, что, если будет прикидываться дурочкой, все обойдется для нее без последствий?

Не желая ходить вокруг да около, как можно более холодно произнесла:

– Вы пытались убить меня и моего мужа. О котором уже два дня нет известий.

Жалкое подобие улыбки сползло с лица герцогини. Теперь оно выражало недоумение, но далеко не испуг, на который я рассчитывала.

А вот мне, несмотря на внешнюю невозмутимость, с каждым мгновением, что находилась рядом с д'Альбре, все труднее становилось себя сдерживать. Стоило подумать о том, что, возможно, из-за нее страж погиб, как тело охватывала дрожь и начинало болезненно сжиматься сердце.

Отправляясь к злопамятной стерве, думала, мне хватит выдержки. Но, кажется, я переоценила свои силы.

– Значит, вы обвиняете меня в покушении на вашу жизнь и похищении маркиза? – бесшумно ступая по темным треугольникам паркета, будничным тоном осведомилась ее светлость. – Интересно...

– Где он? – Помимо воли мой голос дрогнул, а руки сами сжались в кулаки.

– И как же вы поступите? – успешно делая вид, что не расслышала моего вопроса, бросила через плечо герцогиня. – Как накажете любимую невестку его высокопреосвященства?

Меня затопила ненависть, огнем обжегшая вены. Так и хотелось испепелить гадину на месте. Благо сила кузины все еще была мне не послушна, иначе бы Опаль действительно превратилась в жалкую кучку золы.

– Помчитесь ябедничать на меня их величествам? – продолжала подначивать меня д'Альбре. – А может, прибегните к какой-нибудь коварной хитрости, чтобы наказать обидчицу?

– Коварство и хитрость – это больше по вашей части, мадам. Я же предпочитаю играть в открытую.

– И что дальше? – усмехнувшись, заломила пшеничную бровь Опаль. Мерзавка явно чувствовала себя хозяйкой положения и, приходилось признать, имела на то право.

Судить ее никто не будет. В крайнем случае, желая избежать скандала, кардинал отошлет интриганку-невестку куда-нибудь подальше в провинцию. Так себе наказание...

Уж я-то им точно не удовлетворюсь. И так просто ей все с рук не спущу.

– Вы уже не раз пытались отомстить мне и Морану, и одна из ваших провальных попыток натолкнула меня на мысль...

– И что же такого широкомасштабного и беспронимательного задумала наша бесстрашная Александрин? – сочась ядом, полюбопытствовала д'Альбре.

Еще пару месяцев назад столь дерзкая идея мне бы и в голову не пришла. Но с тех пор многое изменилось.

– Если уже завтра маркиза не будет дома, я вызову вас на поединок. – На сей раз голос звучал твердо. Не было в нем ни страха, ни сомнения.

Опаль спала с лица. Перестав расхаживать по зеркальной комнате, замерла, точно в камень обратилась.

– Не бойтесь, брать пример с вашего мужа и трусливо прятаться за спиной голема я не стану. Не лишу себя удовольствия уничтожить вас лично.

– Вы – против меня? – проговорила опешившая герцогиня.

– Воздушная стихия против огня, – кивнула ей с улыбкой.

– Значит, воспользуетесь силой, – задумчиво протянула д'Альбре и чему-то мрачно усмехнулась. – Думаете, справитесь?

– Ради вас – постараюсь, – заверила негодяйку. Не в силах больше находиться в одной комнате с женщиной, отдавшей меня на растерзание двум ублюдкам, отвернулась и, уже выходя из зала, громко повторила: – Верните мне мужа, Опаль. В противном случае ждите приглашения на собственную казнь.

День в сутолоке, среди таких же, как и он, жаждущих монаршей аудиенции, окончательно вымотал пожилого мэтра. Маг был утомлен, испытывал досаду на короля, якобы занедужившего. На самом же деле болезнь была лишь предлогом, чтобы увильнуть от забот о подданных. А больше ни с кем о столь деликатном деле – аресте маркиза де Шалона – Легран говорить не смел. Только Люстон XIV имел право решать судьбу стража.

К вечеру галерея, что вела к тронному залу, опустела. Разочарованные просители уходили, чтобы завтра вернуться сюда вновь. Заложив руки за спину, погруженный в свои размышления, мэтр Легран не спеша вышагивал по пустынному помещению, обьятому сумраком. Где-то в конце коридора раздражающе хлопала на сквозняке ставня, и скорбных ликов расставленных вдоль стен статуй касался лунный свет.

Уйдя в себя, маг не сразу обратил внимание на звук шагов, эхом разлетавшихся по сумеречной галерее. А когда оторвал взгляд от мысков своих некогда до блеска начищенных туфель, увидел перед собой долговязую фигуру в алой сутане. На груди у прелата мягко мерцал массивный золотой медальон – круг с заключенной в него четырехконечной звездой – знак Единой, щедро инкрустированный бриллиантами.

Чтобы встретиться со служителем богини взглядом, пожилому учителю пришлось задрать голову. Кардинал Бофремон был очень высок, а по сравнению с приземистым магом так и вовсе казался исполином. Худощавый, с благородными, не лишенными надменности чертами лица. Темными волосами, едва тронутыми сединой. Глубоко посаженными пронзительными, янтарного цвета глазами, выдававшими в нем мага огня, и крупным носом с горбинкой. Что придавало ему сходство с орлом.

Впрочем, его высокопреосвященство действительно являлся хищником. Бофремону едва исполнилось пятьдесят, его сила была в зените. Первый министр короля, его опора и главный советник. Которого больше заботила политика и назревающая с соседями, Илланским королевством, война, нежели духовное процветание Вальхейма.

Приблизившись к магу, служитель Единой проговорил:

– Уже второй день вы задерживаетесь во дворце допоздна, мэтр. Что-нибудь случилось в коллеже?

– Мне необходимо переговорить с его величеством, – наверное, в сотый раз за минувший день терпеливо повторил Легран.

– Переговорить о чем? Его величество в последние дни неважно себя чувствует, и неизвестно, когда ему станет лучше. Я как раз от него. Если что-то срочное, скажите мне. Завтра же после утренней молитвы я передам все королю.

Мэтр Легран молчал, не зная, как поступить. С одной стороны, неприязнь, которую он испытывал к этому жесткому, деспотичному человеку, железной рукой правящему всем королевством, отбивала всякое желание с ним откровенничать. С другой – во власти Бофремона было отправить солдат на поиски чародея и, предъявив тому обвинения, взять под стражу. Кого, как не Бофремона, лицо духовное, должно заботить то, что один из подданных

короля собирается совершить богопротивное деяние и призвать душу, год назад расставшуюся с телом.

Телом, оскверненным демоном.

– Дело очень деликатное, – тяжело вздохнув, начал мэтр. – Касающееся его светлости маркиза де Шалона. Он обращался к запретному колдовству и намерен обратиться вновь. Чтобы возродить свою покойную жену. Есть доказательства.

Тень скользнула по бледному лицу прелата, черты лица его заострились, сделав Бофремона еще больше похожим на хищную птицу. Но он тут же взял себя в руки, спрятав истинные чувства под маской невозмутимости.

– Пройдемте со мной, мэтр. О таких вещах лучше говорить за закрытыми дверями кабинета.

Глава 2

Не сразу мне удалось успокоиться. Еще долго сердце гулко стучало в груди, и пальцы, теребившие пышное кружево манжеты, предательски дрожали. Как и голос, которым я отдала распоряжение: доставить меня к мэтру Леграну.

Глупо ли себя повела, пригрозив Опаль дуэлью? Возможно. Но так хотя бы удалось вытряхнуть мерзавку из кокона безопасности, в котором она пряталась, точно гусеница. Такая же скользкая и противная. Пусть тоже попереживает и подергается.

Моран, конечно, не заслужил того, чтобы за него сражались и уж тем более рисковали жизнью. Жизнью, которую он намеревался у меня отнять. Но за себя, за то, что д'Альбре уже дважды пыталась отправить меня на тот свет, я обязана была поквитаться.

Как назло, учителя дома не оказалось. В коллеже стихий его тоже найти не удалось. Вместо снующих туда-сюда школяров меня встретил пустынный холл, а затем бесконечно длинная лестница, по которой я демон знает сколько поднималась, и запертая дверь кабинета, в которую долго стучала.

Не желая уходить с пустыми руками, заглянула в библиотеку, где застряла на добрую половину ночи, выискивая хоть какой-нибудь способ обнаружить стража. Что он погиб, отравленный сумасшедшей стервой, я верить отказывалась. Если бы Морана уже не было в живых, я бы это почувствовала. Не могла не почувствовать!

За несколько часов, что провела в библиотеке, просмотрела с дюжину книг. Но ни в одной, как назло, не нашлось хоть какой-то подсказки. Последний талмуд пролистывала уже на ослином упрямстве, ни на что особо не надеясь. Глаза слипались, то и дело приходилось прикрывать рукой рот, не закрывающийся от зевоты, и тем не менее я продолжала пялиться на рукописные строчки и переворачивала страницу за страницей.

«Связующий ритуал» – темнело на последнем развороте. К тому моменту буквы уже расплывались и дергались, словно в каком-то припадке. Сказывалась не только усталость, но и потрясения минувших дней.

Долго вникала в смысл длинных витиеватых фраз, из которых лишь неимоверным усилием сумела вычленить главное. Заклятие, приведенное в книге, если правильно поняла, должно было усилить связь между людьми, которых соединяли либо кровные, либо божественные узы брака. Что в теории позволило бы мне увидеть Морана.

Мы со стражем, увы, были связаны, а значит, можно попробовать. Благо какой-то ротозей оставил на столе чернильницу и несколько полуисписанных листков бумаги. Нацарапав на одном текст заклинания, пошатываясь от усталости точно пьяная, я по пустынному коридору побрела к выходу из коллежа. Кучер и стража мирно посапывали: первый на козлах, другие на запятках. Оказавшись в карете, я с наслаждением откинулась на мягкую спинку сиденья и, прикрыв глаза, тут же отключилась.

В себя пришла, уже когда подъезжали к дому. Заметив в окнах второго этажа свет, испуганно вздрогнула. Если это Моран вернулся... С одной стороны, мне хотелось его увидеть. Просто убедиться, что он жив-здоров. С другой – боялась жутко, потому как не знала, что страж может со мной сделать.

На что его чародейство готов пойти, чтобы вернуть свою драгоценную Серен? Горько усмехнулась. Как оказалось – на многое.

Стоило так подумать, как грудь пронзила острая боль. Которую я мысленно велела себе затолкать куда подальше и сосредоточиться на том, что сейчас действительно было важным.

По лестнице поднималась, затаив дыхание, из последних сил концентрируясь на заточенном внутри меня пламени. Огненная плеть змеей обвилась вокруг запястья. Если придется,

с удовольствием хлестану ею мерзавца. Надеюсь только, пламя не погаснет в самый ответственный момент и при необходимости я сумею за себя постоять.

На цыпочках миновав коридор, приблизилась к двери, ведущей в мои покои. Именно в окнах моей спальни мелькали отблески света. Осторожно приоткрыла створку, готовая одновременно и защищаться и атаковать, чувствуя, как от напряжения дрожат колени, а пламя уже почти обжигает кожу, стремясь вырваться на волю.

Опомниться не успела, как огненный жгут, оплетавший запястье, сам потянулся к спящему на кровати человеку. К счастью, в последний момент успела усмирить своенравную стихию, заставив пламя растаять в воздухе легкими завитками дыма. Иначе бы напугала Мадлен до полусмерти. Это в лучшем случае.

Заслышав шаги, девушка ословело посмотрела в мою сторону.

– Ты что здесь делаешь?

– Вас ждала, ваша светлость, – вскочила она с поспешностью. Присела в быстром реверансе и затараторила: – Сама не заметила, как уснула. Я так за вас беспокоилась! Вы два дня отсутствовали, а не успели вернуться, как снова пропали до поздней ночи. Его светлость так до сих пор и не объявился, – добавила, понуро опустив голову. – Раньше маркиз всегда предупреждал господина Шалюмо о своем отъезде. А в этот раз...

Гастон Шалюмо, преданный пес-дворецкий стража, казалось, беспокоился даже больше моего. Словно это у него пропал муж. И не переставал демонстрировать свое волнение всем и каждому, заражая тревогой остальных слуг.

– Со мной все в порядке. С его светлостью тоже, – постаралась, чтобы голос звучал как можно убедительней. Заметив, что Мадлен собирается достать из шифоньерки сорочку, дабы помочь мне подготовиться ко сну, проговорила: – Я пока еще не ложусь. Принеси самого крепкого вина, какое у нас имеется. Да побольше. А также что-нибудь из личных вещей маркиза.

Теперь румяное лицо служанки выражало недоумение. Явно гадает, что на сей раз взбрело в голову чудаковатой хозяйке.

– Из вещей?

– Что-нибудь из одежды его светлости вполне подойдет.

Продолжая косить в мою сторону вопросительным взглядом, служанка отправилась выполнять приказание. А я стала готовиться к ритуалу. Передвинула поближе к стене кресла, чтобы не мешали. Поставила на пол подсвечники с оплавленными свечами, над которыми затрепетали ярко-желтые лепестки пламени, стоило только провести над ними руками.

Когда Мадлен вернулась, застала меня сидящей на коленях в окружении дюжины зажженных свечей. Дрожащую от волнения и отчаянно борющуюся с усталостью. Если верить книге, вино должно было помочь расслабиться и войти в транс. Главное, чтобы не поспособствовало моей отключке.

– Что-нибудь еще? – протягивая бутылку, оплетенную лозой, и шелковую рубашку, спросила девушка.

– Нет, на сегодня ты свободна.

– А может... – снедаемая любопытством, не торопилась она уходить.

– Мадлен! – отрубила строго, и любознательную как ветром сдуло.

Я осталась одна. Наедине со страхом, что ничего не получится, и надеждой, что моих способностей будет достаточно для успешного налаживания связи.

До краев наполнив бокал, в несколько глотков его осушила. Несмело коснулась шелковистой ткани, борясь с желанием схватить злосчастную рубашку и прижать к себе. Казалось, она все еще хранила тепло мужа, этого предателя. Его такой родной и некогда любимый запах. Способный воскресить непрощенные воспоминания.

Разозлившись на себя за мимолетную слабость, начала нараспев произносить слова заклинания, время от времени бросая взгляд на свои каракули. Пламя, будто только того и

ожидало, сорвалось как безумное с кончиков пальцев, побежало по ткани, стремительно превращая ее в тлеющие лоскуты.

Произнеся последнюю фразу, замерла, сверля взглядом занавеску, колышущуюся на ветру. В унисон с ней трепетали огненные языки, точно оголодавшие псы, продолжавшие терзать рубашку.

Присутствия Морана я не чувствовала. Только головокружение усилилось и жар опалил щеки.

Не способная вздохнуть полной грудью, расшнуровала корсаж, убрала с лица волосы, влажные от испарины, и снова наполнила бокал. Буду пробовать, пока не увижу стража. Надеюсь только, он будет реальным, а не вызванной алкоголем галлюцинацией.

После второго бокала окружающая обстановка утратила четкость, а мое отражение в зеркале, стоявшем неподалеку, начало множиться. Завороженно глядя на пламя, дрожавшее над свечами, уже успевшими превратиться в огарки, я снова принялась за чтение заклинания.

Вторая попытка успехом тоже не увенчалась. Но я не собиралась сдаваться. С упрямством бубнила одно и то же, воскрешая в памяти образ коварного негодяя.

«Только вернись ко мне, и я сразу же с тобой разведусь! Подам прошение его величеству и не успокоюсь, пока не стану свободной!» – повторяла мысленно. Вслух же продолжала произносить уже заученные наизусть слова.

Опьяненная, изможденная, из последних сил тянулась я к окружавшему меня огню, пытаюсь почерпнуть из своей стихии силу. Надеюсь наконец его увидеть или хотя бы его почувствовать.

В какой-то момент почудилось, будто в зеркале что-то промелькнуло. Какая-то тень, вытеснившая мое отражение и постепенно приобретающая очертания мужа. Его лицо – усталое, напряженное. Глаза – опасные, бездонно-черные, словно он был и не человеком вовсе, а самим исчадием мглы.

Первым порывом было броситься к нему. Но вместо этого я, наоборот, отползла подальше. Зажмурилась, кажется, на один короткий миг. А когда открыла глаза, де Шалон исчез. На подернутой туманом зеркальной глади почерком мужа было выведено одно-единственное слово.

Серен.

Утром виски ломило, мысли растекались в голове, как какая-то жижа, и я не была уверена, на самом ли деле видела стража или же мне все только привиделось.

Мадлен, заставшая хозяйку свернувшейся калачиком поперек кровати, с нераспущенными волосами, в панталонах и нижней рубашке, выразительно завздохала и, пока раздвигала шторы, а потом совала мне в руки бокал с водой, все косилась неодобрительно на полупустую бутылку, оставленную на полу.

Заверив ее, что в ближайшее время в мои планы не входит превращаться в алкоголичку и что вино мне требовалось для одного очень важного дела, попросила подать скорее завтрак. И какого-нибудь живительного настоя, который бы приглушил боль, острыми иглами коловшую виски.

В последний раз укоризненно покачав головой, служанка ушла. А я рухнула обратно на подушки и уставилась в потолок немигающим взглядом.

Что это такое ночью было? Моран решил исповедаться? И почему связь так быстро прервалась? Была ли причина во мне, или же я что-то неправильно делала... Может, он исчез, потому что я испугалась?

А попробуй тут не испугаться, глядя в глаза своему предполагаемому убийце. Беззаветно влюбленный, демон его побери! Вот пусть и катится к своей обожаемой Серен!

Нет, конечно, я не думала посылать бессовестного муженька в могилу. Несмотря на всю злость и обиду, в глубине души радовалась, что страж не погиб. Теперь, главное, как-то вырвать его из цепких ручек Опаль, и можно будет поднимать тему развода.

Я несколько не сомневалась, что де Шалон находится в плену у чокнутой стервы. И надеялась, что с этой проблемой мне тоже поможет мэтр Легран. Уж не знаю, что бы я без него делала...

Вскоре вернулась Мадлен. Вместе с завтраком и запиской от той самой чокнутой стервы. Опаль рассыпалась передо мной в любезностях и спрашивала, где мы можем встретиться, дабы обсудить «одно деликатное дело, касающееся небезызвестного нам обоим господина».

Приглашать эту змею к себе домой я поостереглась. Ехать в ее логово во второй раз было бы неосмотрительно. Посему решила, что лучше всего будет встретиться на нейтральной, так сказать, территории. Там, где всегда толкалась уйма народу, – в королевском дворце. Мне в любом случае придется наведаться в Анфальм, чтобы в самой вежливой форме отказать от почетной должности королевской «болонки».

Надеюсь, ее величество не обидится.

Наметив план на день грядущий, принялась цедить маленькими глотками горькую настойку и постепенно возвращаться к жизни.

Свидание с маньячкой-герцогиней было назначено на вторую половину дня. Я рассчитывала прежде увидеться с мэтром Леграном, рассказать ему о проведенном накануне ритуале, а также о состоявшейся и грядущей встрече с Опаль. Возможно, маг подскажет, как вести себя с психопаткой, или еще лучше – согласится меня сопровождать. Несмотря на кратковременность нашего знакомства, в этом всегда таком суровом на вид, но обладающем добрым сердцем человеке я находила отеческую поддержку, которой была лишена на протяжении долгих лет.

Стоило так подумать, как в памяти воскрес образ отца, беспробудным сном спящего в пустой, наполненной сумраком комнате. Я бы все отдала, чтобы понять причину его болезни, и еще больше, чтобы его пробудить.

По дороге в коллеж решила на всякий случай заглянуть домой к мэтру. Вдруг удастся застать его там. Если же господин Легран не обнаружится ни у себя, ни в учебном заведении, придется отправляться в Анфальм пораньше и искать его в галереях королевской резиденции.

На стук дверного молотка прибежала зареванная служанка. Та самая, что заботилась обо мне, пока я гостила у мага.

– Исет, что-нибудь случилось? – Внутри возникло тревожное предчувствие, стремительно перерастающее в страх.

– Да, мадам, случилось, – посторонившись, ответила женщина и истерически всхлипнула. – Мэтра арестовали. На рассвете сюда явилась стража. Все что-то искали... Какие-то доказательства...

На Исет было больно смотреть.

– Доказательства чего?

– Мэтра обвиняют... – заплакала еще горше. – Обвиняют в том, что это он якобы призывает в Навенну демонов. Из разговоров солдат я поняла, что его держат в Фор-Левеке. А больше мне ничего не известно.

Мне показалось, что земля уходит из-под ног. Прислонившись к массивной двери, я стояла, не в силах пошевелиться, и бессмысленно смотрела, как подрагивают плечи убитой горем женщины.

Легран и демоны? Бредовее ничего не могли придумать? Нашли козла отпущения.

– Произошла ошибка, – когда шок прошел, постаралась успокоить Исет и в первую очередь саму себя. – Уверена, очень скоро это ужасное недоразумение разрешится.

Мрачно добавив про себя:

«Главное, чтобы «недоразумение» не разрешилось на Льенской площади на очищающем костре».

– Уже сообщили родным мэтра?

Кажется, у Леграна была дочь.

Всхлипнув, служанка проронила:

– Я сразу же отправила гонца. – По тому, как задрожал ее голос, поняла, что из глаз бедняжки, окруженных мелкими морщинками, сейчас польются слезы. – Как представляю, что он там, в этой жуткой крепости...

– Не знаете, кто стал инициатором ареста?

Исет покачала головой. Спohватившись, что в прихожей у нее находится знатная дама, стала зазывать меня в гостиную на чашку чая. Но мне сейчас было не до чаепития.

Мало того что не знаю, как спасти негодяя-стража, так еще и мэтр Легран оказался в беде. По какой причине – неизвестно. По чьему приказу схватили – тоже.

Говорят, в Фор-Левек можно попасть в двух случаях: либо в качестве исповедника, либо в роли заключенного. Ни тем, ни другим я не являлась, а поэтому, скорее всего, мне туда путь заказан.

Домой возвращалась с тяжелой головой и противно ноющим сердцем. Пожилой маг был единственным, с кем я была знакома в столице, кроме де Шалона и его злопамятной бывшей любовницы. Единственный, к кому могла обратиться за помощью. А вот кого просить, чтобы помог с вызволением мэтра, – я понятия не имела.

Разве что попробовать обратиться к королеве. Вроде бы государыня ко мне благоволит. Но если откажусь от предложения стать придворной дамой, о королевской благосклонности можно будет забыть.

У ворот отеля Ла Рийер красовалась черная карета с гербом благоверного – двуглавой птицей, стремительно летящей навстречу своей добыче. Увидев экипаж, я испытала двойственное чувство: надежду увидеть стража и страх перед ним.

Которые вскоре вытеснило нечто, очень похожее на разочарование: вместо Морана меня встретил шевалье де Лален. Как всегда, изящно и со вкусом одетый. В костюме миндального цвета, богато отделанного позументом и украшенного роговыми пуговицами. Дополняла франтоватый наряд светлая шляпа с коричневыми перьями, нахлобученная на пышный парик. Тонкие усы молодого щеголя были завиты по последней моде.

Единственное, чего не хватало, – так это лучезарной улыбки, коей Касьен встречал меня в Валь-де-Манне каждое утро. Лицо его хранило отпечаток беспокойства, совершенно ему не свойственного.

Пресветлая Витала! Еще одного потрясения я уж точно не переживу.

– Что-нибудь случилось? – оставив приветствия, спросила тихо и на всякий случай оперлась на инкрустированный столик, так кстати подвернувшийся под руку.

Де Лален галантно поклонился, стащив с головы шляпу, и только после этого проговорил:

– Наверное, это мне следует интересоваться, все ли у вас в порядке, дорогая Александрин. Я ждал, что Моран явится в Валь-де-Манн. Мы собирались вместе отправиться в семейную усыпальницу... – Молодой человек осекся и, стусевавшись, отвел взгляд.

– Усыпальницу? Зачем?

– Два дня назад исполнился год со дня гибели вашей кузины, – печально возвестил де Лален. – Моран не мог забыть, не мог не приехать. Вот я и забеспокоился. Мчал в Навенну как сумасшедший, подгоняемый плохим предчувствием. Я привык доверять своему чутью, знаете ли. А оно вот уже который день твердит, что мой брат в беде. Александрин! – Мужчина шагнул ближе, словно испугался, что столик – шаткая опора и я вот-вот упаду в обморок. – Вы так побледнели. Скажите, что произошло?

Серен, Серен, Серен! Даже с того света кузина ухитряется отравлять мне жизнь.

Интересно, может, Моран потому и написал на зеркале ее имя? Наверное, хотел, чтобы я вместо него заглянула в семейный склеп, проведала его любимую маркизу.

Я разозлилась:

– Хотите знать, что произошло? Что ж, сейчас расскажу. Но сначала поведаю о том, что должно было произойти по плану стража и почему ваш брат сделал меня своей женой. Пойдемте! – Схватив ошарашенного родственничка за руку, потащила его в кабинет маркиза.

Глава 3

Касьен слушал меня, не перебивая. Нервно ерзал в кресле и затравленно косился на дверь. Наверное, надеялся сбежать от нелюбезной правды. Правды о человеке, которого боготворил.

Мне было сложно оставаться на месте. Смотреть в глаза мага, в которых отражались все его эмоции: начиная от неверия и заканчивая всепоглощающим смятением. Расхаживая по комнате, в которой так любил уединяться мой муж, я рассеянно замечала то припыленные стеллажи, полные книг, надежно защищенных от постороннего посягательства охранными чарами. То шторы насыщенного охрового цвета с ламбрекенами, отороченными золотой бахромой. Порой взгляд останавливался на столе с гнутыми резными ножками, на котором мы со стражем еще совсем недавно предавались радостям любви. От одной только мысли щеки залил румянец, и я поспешила отправить непрошенные воспоминания в самые потаенные уголки памяти.

– Этого не может быть! – Не сразу у шевалье прорезался голос.

– Вы мне не верите? – Прервав свое хождение по комнате, обернулась к нему.

– Нет, просто... Мы ведь говорим об одном и том же человеке? – с глупым видом спросил щеголь.

– Об одном! – воскликнула, раздраженная недоверием Касьена. – Вашего родственника интересовало исключительно мое тело, в которое он планировал переселить душу Серен. Наверное, Единая наказала его с помощью герцогини, и, по-хорошему, мне следовало прекратить поиски...

– Но тем не менее вы надеетесь его спасти, – исподлобья глянул на меня молодой человек.

– Чтобы передать в руки королевского правосудия.

– И только?

Запнулась лишь на долю секунды, после чего решительно выпалила:

– И только!

Некоторое время де Лален молчал. Тербил свою жиденькую бородку и все смотрел куда-то вдаль, сквозь меня, о чем-то напряженно размышляя.

Наконец, приняв решение, твердо сказал:

– На встречу с герцогиней мы отправимся вместе.

От сердца сразу отлегло. Я очень боялась, что Касьен мне не поверит или начнет отговаривать, решив, что это бестолковая затея. Увы, кроме оной, никаких других идей в запасе не было.

– Но, по правде говоря, я уже заранее готов не поверить ни единому слову этой мегеры. Опаль всегда была очень скользкой. Хитрой и лживой.

– Может, решила пойти на попятную, испугавшись вызова на поединок? – с сомнением предположила я.

Шевалье неопределенно пожал плечами.

– Поговорить с ней, конечно, стоит. Но сразу после этого мы отправимся на встречу с тем, кто уж наверняка знает, где держат Морана. Главное, чтобы тень захотела с нами открывничать.

Тень? Я нахмурилась.

– Касьен, о ком это вы? Кто, кроме Опаль, может знать, где сейчас находится страж?

– Сегодня ночью я проведу вас в самое древнее святилище Вальхейма, мадам. В самую Альнею! – торжественно провозгласил шевалье и загадочно улыбнулся. – Вы познакомитесь с местом, полным небывалого могущества, пленниками которого являются демонические существа всех стражей нашего королевства. Встретитесь с темной ипостасью вашего мужа.

Еще более темной, чем та, с которой уже успела познакомиться и прожила в браке несколько никчемных месяцев? Не уверена, что жажду нового знакомства.

Вздвигнув, отвернулась от де Лалена.

Стоя возле окна, наслаждаясь ласковым прикосновением рассветных лучей к лицу, чародейка что-то довольно мурлыкала себе под нос. Серен уже почти нравился новый облик: тонкие черты лица и такая трогательно-хрупкая ладная фигурка.

Говорят, блондинки нынче в моде при дворе...

Хотя для де Грамона, прошлым вечером явившегося по приглашению герцогини во дворец д'Альбре, встреча с возлюбленной в теле Опаль стала настоящим сюрпризом. И далеко не самым приятным. На лице стража отразились шок и разочарование, и первые мгновения он стоял, не способный пошевелиться, не решаясь заключить любимую в объятия.

– Только не говори, что тоже успел плениться смазливой мордашкой моей кузины, – погасив вспышку ревности, наигранно-безразличным тоном проговорила Серен. Мягко покачивая бедрами, приблизилась к стражу.

– Просто я не ожидал увидеть тебя в *этом* теле. Опаль была той еще негодяйкой, – ошарашенно пробормотал Адриен.

– Ее уже нет, – равнодушно передернула плечиками кокетка и обольстительно улыбнулась. – Зато есть я. Разве тебе не хочется меня поцеловать? – Легким мановением руки герцогиня распустила ленты своего воздушного наряда, под которым пряталось ее новое нагое тело.

Взяв руку стража, встала к нему вплотную, накрыла ладонью любовника свою округлую маленькую грудь и прошептала томно:

– Я по тебе скучала, милый. По безумным ночам, которые мы провели вместе, упиваясь друг другом до самого рассвета.

Де Грамон растерянно оглянулся на двери, что вели в покои ее светлости, и чуть хрипловатым голосом проговорил:

– А как же твой... хм, муж?

– Боишься этого кретина? – беззаботно рассмеялась Серен. – Я бы еще поняла твой страх перед Мораном. Но не перед д'Альбре.

– Что с ним? – спросил страж, имея в виду давнего приятеля, дружбу с которым без сожаления променял на любовь к его жене.

– Спрятан в надежном месте. До поры до времени. Пока его высокопреосвященство не решит, что с ним делать.

– Ты играешь с огнем, Серен. – В глазах де Грамона промелькнула тревога за жизнь той единственной, любовь к которой пленила его разум и сердце.

– Так интересней. А иначе зачем жить? – Герцогиня прижалась к магу теснее, нашла губами его губы, ощущая, как под ее руками напрягается сильное мужское тело и их обоих охватывает возбуждение...

...На следующее утро страж кардинально поменял свое мнение. Теперь он находил интригующим сочетание ангельской внешности и огненной страстности в своей любовнице. Внешне холодная хрупкая блондинка с повадками хищницы, обладавшая какой-то демонической обольстительностью.

Не обнаружив рядом с собой спящей возлюбленной, Адриен приподнялся на локтях и поискал ее взглядом. Улыбнулся, увидев Серен, стоящую к нему спиной. Скользнул взглядом по ее нагому телу, обласканному розовыми лучами рассвета. По окутавшему плечи шелку волос, осиной талии, упругим ягодицам, чувствуя, как желание просыпается в нем, и все мысли только о том, как он будет ласкать губами маленькие розовые соски, врываться в жаждущее его лоно, собирая с губ красавицы стоны удовольствия.

Не желая откладывать то, чем можно было заняться уже сейчас, страж бесшумно поднялся и приблизился к герцогине. Обнял ее сзади, коснулся поцелуем острого плечика, насла-

ждаясь запахом нежной, точно лепестки роз, кожи и теперь отчетливо понимая, почему Моран в свое время польстился на эту оболочку.

Им всегда нравились одни и те же женщины. Жаль, конечно, что Серен не досталось тело Цветочка – так Адриен мысленно называл Ксандру, – которым он уже не раз обладал в своих дерзких фантазиях. Но это, как оказалось, стало удачной альтернативой.

– О чем думаешь?

– О своей силе, – промурлыкала герцогиня.

– Нужна помощь?

Серен подбросила в воздух золотую монетку, окутанную едва различимым мерцанием чар, и, ловко поймав ее, приложила к губам, словно целовала на счастье.

– Это лишнее. Скоро кузина сама добровольно отречется от дара, передав его мне. Ну, почти добровольно, – обернувшись, закончила шепотом, и со всей только ей свойственной страстью ответила на поцелуй стража.

Вчера, получив письмо от ее величества, я ломала голову над тем, как отказаться от должности фрейлины, при этом не задев чувств правительницы. Сегодня же, идя по зеркальной галерее Анфальма к покоям Франсуазы Алайетт Илланской, инфанты Иллании – королевства, граничащего с Вальхеймом на севере, понимала, что мне придется согласиться на ее предложение.

Без связей никогда не узнаю, почему арестовали Леграна, и уж тем более не смогу ему помочь. К тому же нужно, чтобы государыня походатайствовала за меня перед его величеством и кардиналом. Только в их власти было даровать мне свободу, и только тогда я смогу навсегда порвать с прошлым.

Сожгу все мосты, соединившие мою судьбу с судьбой стража.

Шевалье де Лалену пришлось остаться в галерее, в компании своего угрюмого отражения и двух молчунов-стражников. Ее величество была категорически против присутствия мужчин на своей половине, что располагалась в самой старой части дворца и представляла собой анфиладу из восьми комнат. Окнами каждая выходила на Мраморный двор, замощенный мрамором с замысловатым черно-белым узором. В погожие солнечные дни в нем отражалось великолепное здание Анфальма.

Миновав роскошно убранный салон, в котором обычно принимала приближенных королева, я задержалась в аванзале, задрапированном зеленой парчой, и стала смиренно ждать, когда по велению государыни лакеи распахнут передо мной двери в королевскую опочивальню. Именно там любила уединяться Алайетт со своими подругами-фрейлинами и коротать время за чтением преданий о Единой.

Доложив о прибытии маркизы де Шалон, слуга с поклоном пропустил меня в спальню королевы, полную знакомых лиц. До моего появления милые дамы, сгрудившись вокруг правительницы, наперебой подпитывали ее новостями или, точнее, свежими сплетнями. Но стоило новенькой переступить порог, как голоса стихли. Девушки слаженно повернули головы в мою сторону, смерили настороженно-изучающими взглядами. Наметанным глазом оценили и скромные украшения, и темный наряд с аппликациями в виде серебряных цветов.

– Разве вы в трауре, маркиза? – подала голос одна из прелестниц, миниатюрная шатенка по имени Жанна.

«Можно и так сказать», – горько усмехнулась про себя. Впору было устраивать панихиду по своему разбитому сердцу. Жаль, на то, чтобы как следует пострадать, времени пока нет. Возможно, потом, когда все закончится...

Я присела в низком реверансе и не поднимала глаз, пока ее величество не проговорила:

– Присаживайтесь рядом со мной, Александрин. Поведайте нам о вашей пропаже, месье маркизе. В последние дни все только о нем и говорят.

– Его светлость был вынужден покинуть Навенну по неотложным делам...

– Врешь, врешь, врешь! – неожиданно перебил меня карлик, до сих пор не принимавший участия в разговоре.

Он сидел на маленьком табурете у ног правительницы и меланхолично трепал по лоснящейся холке спящего дога. Кажется, карлика звали Деде, и он был любимым шутком ее величества. Не менее любимым, чем черная, в данный момент сладко похрапывающая псина, размерами больше напоминавшая пони, и юные красавицы-фрейлины, которыми так любила окружать себя правительница.

– Деде всегда чует вранье! – громко воскликнул шут, вскакивая с места. Скорчив гримасу, показал мне язык, отчего его и без того уродливое лицо стало еще безобразнее.

Одет карлик был в пестрый костюм, весь расшитый монетками, который украшало большое жабо, из-за чего создавалось впечатление, что у Деде отсутствует шея. Голова же казалась непомерно большой за счет разноцветного колпака с раздвоенной верхушкой, напоминавшей рога, украшенные на концах бубенчиками.

– Ты смущаешь нашу гостью, Деде, – с мягкой улыбкой осадил шута королева.

– Деде не любит лгунов! – уперев руки в боки, заклеил меня вредный коротышка и с явно фальшивым негодованием сверкнул на меня своими выпученными глазищами.

Как будто мне не хотелось рассказать правду! Но не имея на руках доказательств, обвинять невестку кардинала было бы неосмотрительно, а может, даже чревато. Да и имея доказательства, пожалуй, тоже.

– И когда же маркиз покончит со своими неотложными делами и вернется к нам? – продолжила допрос правительница.

– Надеюсь, в самое ближайшее время, ваше величество, – смиренно ответила я.

С опаской покосилась на карлика, ожидая очередной шпильки в мой адрес, но тот только корчил рожи и время от времени поглядывал в мою сторону.

– О вас, дорогая маркиза, в последнее время при дворе говорят даже больше, чем о беглеце-страже, – вступила в разговор другая фрейлина, что сидела со мною рядом.

– И что же говорят?

– Оказывается, восемь лет назад вас признали бессильной. А теперь, как выясняется, вы владеете стихией огня.

– Мессиру маркизу везет на огненных красавиц, – не дав мне вставить и слова, хихикнула неугомонная Жанна, уже не раз пытавшаяся задеть меня за живое, и всякий раз удачно.

– Расскажите нам о себе, – попросила королева. – До недавнего времени никто и не подозревал о существовании мадемуазель ле Фиенн, и вот вы супруга одного из самых могущественных чародеев Вальхейма. Вы, Александрин, – настоящая загадка, которую многим придворным не терпится разгадать.

– А некоторым за этой загадкой и приударить, – вставила реплику совсем еще юная девица в обильно украшенном рюшами розовом платье.

Фрейлины поддержали шутку, дружно расхохотавшись.

Пришлось и мне изобразить некое подобие улыбки, после чего скрепя сердце начать цедить фразы, ограничиваясь полуправдой, дабы удовлетворить монаршее любопытство.

Моя исповедь растянулась на добрые полчаса, а вопросы все не кончались. К счастью, в какой-то момент ее величество поднялась. За ней, шурша кринолинами, пришли в движение и придворные красавицы. Один шут остался сидеть на своем табурете и продолжал демонстративно зевать, всем своим видом показывая, как ему было скучно слушать мой рассказ.

– На сегодня достаточно, – объявила правительница.

Мне так и не хватило духу заговорить с королевой об аресте мэтра. Оставалось надеяться, что во время завтрашней прогулки, на которую мне было велено явиться, удастся остаться с монархиней наедине хотя бы на минутку.

Сейчас же следовало прощаться с королевским серпентарием и отправляться на встречу с другой гадюкой, куда более ядовитой и опасной.

Да и Касьен, наверное, уже заждался.

– Всего доброго, маркиза. До встречи завтра, – отпустила меня с миром королева, напоследок добавив: – И впредь постарайтесь одеваться ярче. Вы молоды и привлекательны. Не стоит портить такую красоту невзрачными нарядами.

– Как будет угодно вашему величеству, – покорно согласилась я и присела в глубоком реверансе, мечтая о том, чтобы поскорее оказаться по ту сторону двери.

– Я провожу мадам Лгунью! – неожиданно выкрикнул королевский баламут.

И прежде чем я успела опомниться, карлик подскочил ко мне, склонившейся перед королевой. Ничтоже сумняшеся отдернул полу верхнего распашного платья и сорвал кошелек, полный алидоров, который я всегда на всякий случай носила с собой.

– За вранье надо платить! – выпалил он и рванул прочь из спальни.

От такой наглости я оторопела и даже не сразу сумела заставить себя сдвинуться с места.

– Простите этого паяца, мадам, – и не думала гневаться на воришку королева. – Деде порой бывает скучно, вот он и бедокурит. Уверена, он поджидает вас где-нибудь поблизости и беспрекословно вернет кошелек. А если нет, обещаю, что его накажут.

Ошарашенно кивнув, я простилась с монархиней и помчалась разбираться с мерзким карликом. Нашла его в окутанном полумраком салоне, у самого выхода из королевских покоев. Деде стоял, прислонившись спиной к стене, и, что-то насвистывая себе под нос, подбрасывал в воздух монетку. Кошелек мой, расшитый золотыми розами, успел приторочить к своему поясу, словно ему там было самое место.

– Отдай немедленно! – набросилась я на воришку.

– Верну за поцелуй!

– Думаешь, если тебя поцелует красавица, превратишься из жабы в принца? – огрызнулась я и сама забрала свой бархатный мешочек. Выхватила также и монету, которую карлик наверняка стащил из кошелька.

– Бессердечная маркиза! – крикнул он мне вдогонку.

Не знаю, как сумела устоять перед искушением и не обернулась, чтобы, взяв пример с шута, показать ему язык.

Глава 4

С Опаль я в тот вечер так и не встретила. Герцогиня должна была явиться в портретную галерею Анфальма, в которой любили коротать время изнывающие от безделья королевские подданные, еще до заката. Но то ли у негодайки возникли непредвиденные обстоятельства, помешавшие ей со мной свидеться, то ли д'Альбре просто морочила мне голову и тянула время, в чем я была почти уверена, – но во дворец она так и не пришла.

– Пора, – вырвал меня из мира мрачных раздумий Касьен. – До Альнеи путь неблизкий. Если не отправимся сейчас, не успеем возвратиться в Навенну даже к обеду. А вам необходимо присутствовать на королевской прогулке.

Тяжело вздохнув, мысленно закончила: «Чтобы хвостиком таскаться за ее величеством».

В последний раз obeжав взглядом сумрачное помещение, со стен которого, чуть тронутые мерцанием светильников, на нас гордо взирали прежние правители Вальхейма, я последовала за шевалье к выходу.

В карете накинула на плечи мантилью, так как ночь выдалась прохладной. По совету де Лалена взяла с собой также маску, дабы сохранить в Альнее инкогнито.

– Всегда считала, что святилище охраняют самым тщательным образом и что в нем запрещено бывать даже стражам, не то что нам, простым стихийникам.

– Так и есть. Но у Морана в Альнее имелись связи, которыми я и намерен воспользоваться, – обнадеживающе улыбнулся Касьен.

– Маркиз там часто бывал?

Де Лалену не было нужды отвечать, я и так все прекрасно поняла по тому, как улыбка сползла с его лица и превратилась в кислую гримасу.

Значит, копию Серен навещал... Что совсем неудивительно.

Оказавшись за пределами города, карета помчалась по проселочной дороге, за многие годы разбитой нескончаемыми потоками всадников и вереницами экипажей.

Я не заметила, как уснула под мерный стук лошадиных копыт. Даже резкие внезапные толчки, когда карета насакивала на очередной ухаб, не смогли вырвать меня из липкой паутины сна.

Только когда кто-то начал легонько меня тормошить, сделав над собой усилие, открыла глаза.

– Александрин...

– Уже приехали? – с трудом подавила зевок.

– Да, мы в Альнее, – кивнул шевалье, приподнимаясь со своего места. – Подождите здесь. Я скоро вернусь. – С этими словами де Лален покинул карету.

Отодвинув шторку, я выглянула наружу. Обвела взглядом большой пустынный двор, серое здание, покрытое у фундамента мхом. Оно напоминало огромную остроконечную арку, забранную решеткой кованых ворот, с многочисленными пристройками, в одной из которых виднелись отблески света. Бесшумной тенью Касьен растворился в ней, скользнув в приоткрытую дверь. А спустя несколько минут возвратился в сопровождении высокого сухопарого старика, отворившего нам ворота.

– Не думала, что служители Альнеи падки на золото, – хмыкнула я, заметив, что де Лален вернулся без своего кошелька.

– К счастью или нет, но в этом мире, дорогая Александрин, все покупается и продается. Если бы это было не так, мы бы не смогли встретиться с демонической сущностью моего брата и, возможно, впоследствии не сумели бы его отыскать.

За безмолвным служителем, раскрывшим перед нами тяжелую, окованную железом дверь, спустились в подземелье. Я шла за мужчинами, провожаемая тенью, скользившими

по стенам, рожденными пламенем факелов, и напряженно вслушивалась в эхо наших шагов. Дрожала, то ли от страха, то ли от волнения, и чувствовала, как сердце сбивается с ритма.

Еще немного, и снова его увижу. Конечно, не совсем его, но все же...

Его глаза, его лицо. Его голос.

От одной только мысли об этой встрече меня бросало то в жар, то в холод.

– Ничего не бойтесь, – достигнув очередной массивной двери, шепнул мне на ухо Касьен. – Сущности стражей могут почувствовать ваш страх и будут пытаться запугать еще больше. Не обращайтесь на них внимания. Они надежно спрятаны в зеркалах, а потому не опасны.

Легко сказать – не бойся. Того и гляди сердце из груди выскочит, и от волнения предательски немеет тело. По крайней мере, ног я больше не чувствовала. Переставляла их точно ватные, с трудом двигаясь за своим бесстрашным проводником, казалось, чувствовавшим себя здесь как дома.

Служитель Альнеи в зеркальный зал не пошел. Только попросил тихим, ничего не выражающим голосом, чтобы не задерживались, и растаял в полумраке подземелья.

– Когда-то и сущность Серен была заточена здесь, – оглядываясь на зеркала, в которых начали проступать неясные очертания чьих-то силуэтов, задумчиво произнесла я.

– Она до сих пор здесь. – Касьен запнулся, прежде чем закончить: – Моран не желал ее отпускать. И теперь я понимаю почему.

А я не понимаю, почему после всего, что узнала о муже-предателе, все равно пытаюсь его спасти.

Мне явно недостает здравого смысла.

– Вы это слышите? – испуганно озираясь кругом, ежась от шепота, звучащего отовсюду, множащегося и нарастающего, пролепетала одними губами.

Жуткое место. Не хотела бы застрять здесь в одиночестве.

– Это узники зеркал, – ответил де Лален и повторил вкрадчиво: – Не бойтесь, Александрин, они не причинят вам вреда.

И тем не менее я продолжала вздрагивать от малейшего шороха, напряженно косилась на сгустки тьмы в отражениях, принимавшие очертания человеческих фигур.

Шевалье остановился посреди зала, наполненного сырым полумраком. Протянул руку к высокому напольному зеркалу, гладь которого была подернута зловещим туманом. Впрочем, мне здесь все казалось зловещим. Дотронувшись до широкой резной рамы, маг не отнимал ладони, пока по дереву не зазмеились, мерцая, символы древнего вальхеймского языка.

Дымка в зазеркалье постепенно таяла, открывая моему взору томящееся в зачарованной клетке существо, внешне похожее на человека. Но стоило поглубже заглянуть в пронзительные черные глаза, и становилось ясно: на меня смотрело, криво ухмыляясь, само воплощение тьмы. Та часть Морана, его демоническое естество, которому на веки вечные следовало оставаться в этих стенах.

Впрочем, и без своего темного «я» страж оказался тем еще мерзавцем.

– Моя жена номер два? – осклабился «близнец» маркиза, подаваясь вперед, ко мне навстречу, и я невольно тоже шагнула к зеркалу. – Соскучилась по мужу? Так вот он я! – отнесило ироничный поклон отражение. – Ничем не хуже маркиза во плоти. Тот сейчас, знаете ли, находится не в лучшем состоянии. Не то что я.

– Ты чувствуешь его? Знаешь, где он? – воскликнула порывисто. Пока шли по подземной галерее, уговаривала себя, что бы ни случилось, оставаться сдержанной, но с самовнушением у меня всегда были проблемы.

– Он часть меня. А я – его. Пока жив маркиз, живу я, и наоборот, – уклончиво ответила тень.

– Прошу, скажи, где он! – нетерпеливо потребовала я, продолжая с жадностью вглядываться в такие любимые когда-то черты. Умом понимала, что это не Моран. Да и не человек вовсе. Бесплотное нечто. Непрошеное наследие, доставшееся маркизу от его предков-морров. Но сердце, словно ненормальное, то колотилось в бешеном ритме, то замирало от одного лишь звука его глубокого голоса.

– А ты уверена, маркиза, что стража следует спасти? – лениво поинтересовалось отражение, острым когтем выводя на зачарованной стеклянной преграде, что удерживала его в зазеркалье, непонятные узоры, отчего пространство наполнялось невыносимым скрежетом. – Того, кто женился на тебе из корысти, желая превратить в жертву. Кто пользовался тобой в постели, а на рассвете покидал, чтобы помечтать в одиночестве о своей драгоценной.

Каждое слово ранило сильнее любого оружия, напоминая о предательстве человека, которого я так опрометчиво полюбила.

– Уверена.

– А давай поступим так! – Глаза потустороннего существа азартно сверкнули. – Я открою тебе еще один гадкий секретик маркиза, и, если после всего услышанного ты по-прежнему будешь желать его спасения, так и быть, скажу, где искать.

– Александрин, не стоит верить всему, что говорит тень, – подал голос до сих пор не вмешивающийся в разговор Касьен. Маг напряженно следил за выражением лица эфемерного существа, словно надеялся поймать того на лжи, но пока что тщетно.

– А зачем мне лгать? – хмыкнула копия моего мужа и снова царапнула зеркальную поверхность, оставив на ней глубокую борозду, которая почти сразу же исчезла. – Я ведь не предлагаю сделку, не прошу освободить меня взамен на сведения. Просто мне жаль дурочку.

– Ты не способен на сострадание, – жестко парировал де Лален.

– Ну хорошо, мне скучно, – призналась тень. – И я уже предвкушаю, как вытянется ее смазливое личико, когда раскрою еще одну гнусную тайну ее муженька. Сними маску, маркиза. Здесь тебе не от кого прятаться.

Я стояла, не решаясь не то что пошевелиться, – боялась дышать. На один короткий миг отчаянно захотелось превратиться в бездушную статую, не способную чувствовать. А значит, не способную испытывать боль и страдать.

– Ну, так мне говорить? Или будем молчать? – Демоническое естество стража провело рукой вдоль своего лица, напоминая об условии – обнажить перед ним свои чувства. – Или предпочитаешь оставаться в блаженном неведении, пугливая девочка?

Маску я сняла, всем своим телом ощущая липкий, насмешливый взгляд потустороннего существа.

– Моран – воин, знакомый с одной-единственной истиной: на войне не обходится без жертв. Ради победы страж готов без сожаления уничтожить любую пешку. В этом они с Серен похожи, – усмехаясь, говорило отражение. Ему вторили, точно эхо, тени из клеток-зеркал. – Барон ле Фиенн стал такой пешкой.

Если бы рядом с нами ударила молния, расчертив пол трещинами и разбив каменные плиты, она бы не произвела на меня такого действия, как слова отражения.

– Нет... – с трудом выдавила я.

– Загадочная болезнь барона – результат его недалекновидного общения с зятем. Его милость почти разгадал планы маркиза относительно тебя и не замедлил ими поделиться с зятем. Мадам, ваш отец пострадал из-за собственной глупости. Ну и из-за коварства вашего супруга, конечно же, – злобно рассмеялась копия стража.

Этот демонический смех, подхваченный другими тенями, разнесся по всему подземелью.

– Как мне излечить отца? – с трудом прогнав оцепенение, зашевелила непослушными губами. Думала, раньше было больно, а теперь поняла, что все, что испытывала до этого, – ерунда.

– Никак, – хмыкнуло существо, чьим лицом всего несколько мгновений назад я невольно любовалась, а теперь готова была расцарапать его ногтями, если бы только могла.

Ведь это было лицо Морана.

Зажмурилась, мечтая больше никогда его не видеть. Не видеть ненавистного стража.

– От этих чар нет лекарства. Ваш отец, мадам, сгниет в своей постели, мучимый кошмарами, из оков которых ему не вырваться. Лучше бы маркиз сразу его убил, чем обрек на такие муки, – с напускной скорбью закончил мой собеседник.

– Александрин, послушайте... – Де Лален коснулся было моего плеча.

Но я вздрогнула и отшатнулась.

– Ну так что, мадам? – кланяясь и подметая пол перьями материализовавшейся в его руках нарядной шляпы, велеречиво поинтересовался пленник зазеркалья. – Каково будет ваше желание, сударыня? Казнить, нельзя помиловать? Или все-таки пощадите?

Перешептывания, сдавленный смех, мое дыхание, с шумом вырывающееся из груди, – все смешалось. Надежда в глазах Касьена и ирония во взгляде тени растворились в зыбком мареве отчаяния.

Зажмурилась. Щеку обожгла сорвавшаяся с ресниц слеза. Последняя, которую я пролила из-за треклятого мага.

Отступила на шаг, потом еще на два и тихо, но твердо сказала:

– Я больше не буду его искать.

Никогда.

С каждым часом, проведенным в зазеркалье, тревога за жизнь Александрин только крепла, а вместе с ней возрастала и злость на самого себя. За то, что позволил Серен отравить его сердце и разум ядом и так непростительно долго собой манипулировать.

Постепенно силы, утраченные во время ритуала, возвращались к стражу. Но их было недостаточно, чтобы выбраться из магической клетки, в которой его заперли точно зверя.

Порой, когда ярость ослепляла разум, Моран с неистовством бросался на зачарованную зеркальную гладь, хоть и понимал, что, разбивая в кровь кулаки, ничего не добьется. Не разорвет искусное плетение чар, созданное треклятой Берзэ, и не защитит Александрин. Только ослабнет физически.

Но на это магу было плевать.

За минувшие дни маркиз перепробовал десятки заклинаний. Доводя себя до изнеможения, пытался найти хоть какую-то лазейку, но тщетно. Единственный раз, когда неведомая сила вынесла его за пределы клетки, чтобы показать Александрин, такую же изможденную, находящуюся на грани отчаяния, он даже не успел предупредить ее об опасности.

Моран был уверен, Ксандра пыталась его разыскать, но чары, наложенные на него, оказались слишком сильны. Маг знал, девушка будет продолжать поиски, вот только предпочел бы, чтобы Александрин бежала из Вальхейма без оглядки. Позабыла о нем и спасала свою жизнь.

Услышав в тишине подземелья стук каблуков, страж поднялся на ноги, до боли в глазах всматриваясь в плескавшуюся вокруг тьму. Зажмурился, когда на стенах полыхнули факелы, осветив мрачное, пропитанное затхлостью помещение.

Серен сопровождала ее верная прислужница, ведьма Берзэ.

– Пришла провести милого, – кокетливо накручивая на палец пшеничный локон, приблизилась к зеркалу герцогиня. – Посмотреть, успокоился ли. – Заметив, как тяжело вздымается грудь мага и бешенством пылают черные глаза, сделала выводы: – Видимо, нет. Долго еще будешь свирепствовать?

– Лучше убей меня сейчас. Иначе потом я своими руками сверну тебе шею, – прорычал маг.

– Задира! – и не думая пугаться, весело отозвалась красавица. Помолчав немного, таким же жизнерадостным тоном добавила: – А у меня для тебя замечательная новость. Вернее, она замечательная для меня. А вот для вас, сударь, наверное, не очень.

Выдержав паузу, чтобы еще больше разозлить мага, с хитрой улыбкой сказала:

– Супружеские узы такие прочные... Практически нерушимые. Ими можно связать двух людей. А можно с их помощью пленить разум одного из супругов. Как я поступила с тобой, – касаясь лица стража сквозь хрупкую на вид грань зеркала, прошептала чародейка.

Серен упивалась своим превосходством, наслаждалась тем, какое действие ее слова оказывали на мага.

– Мне тут пришла в голову одна замечательная идея: не изобретать ничего нового, а довериться старому проверенному способу. Есть Ксандра, присвоившая себе кое-что мое, – принялась перечислять, загибая унизанные перстнями пальцы, герцогиня. – И есть ты, связанный с нею священным брачным ритуалом. Вот я и подумала: а почему бы не повлиять на мадемуазель ле Фиенн, – у Серен язык не поворачивался назвать кузину маркизой, – через тебя, любимый?

Всего-то и нужна любая зачарованная вещица (тебя, например, послушным делал огненный цветок, Александрин делает монетка) и твоя кровь для заклатья.

И тогда пойдет она за мной, как жертвенная овечка. Добровольно расстанется и с силой, и со всем, о чем ее попросят. Например, с жизнью. – Ее светлость мечтательно зажмурилась. – Как думаешь, если я прикажу ей подняться на самую высокую башню Анфальма и свалиться оттуда прямо к ногам шокированных придворных – не будет ли это слишком банально? Может, стоит придумать что-нибудь более изощренное? – наслаждалась своей местью ревнивица. Вдохнула наигранно: – Ну да ладно, времени на развлечения у меня нет. Нужно прощаться с Александрин по-быстрому. К тому же я уже страх как соскучилась по своей силе.

– Нужна моя кровь? – стараясь за усмешкой скрыть ярость и боль, жестко обронил страж. – Ну так заходи и бери.

Герцогиня покачала головой:

– В этом нет необходимости.

Серен отступила на несколько шагов, освобождая дорогу ведьме. Тяжелая грузная фигура в темном балахоне подошла к зеркалу. Поставив на пол глиняную посудину, Берзэ извлекла из складок своего выцветшего одеяния нож, небольшую тряпичную куклу и, не переставая бормотать слова заклинания, опустила на колени перед сосудом.

В этот самый миг маг почувствовал, что ноги его не держат. Рухнул на землю, точно подкошенный. Стоило острию лезвия коснуться шитой из лоскутов игрушки, как на ладонях маркиза, опалив болью, проступили глубокие борозды. Кровь заструилась по пальцам, впитываясь в изрезанные временем каменные плиты. Колдунья не останавливалась, продолжала шептать заклинание, вертя в руках заговоренную куклу, которая постепенно напитывалась кровью стража. Алые струйки побежали по стенкам чаши, медленно покрывая ее дно.

– Берзэ посадила тебя сюда, ты в полной ее власти, милый, – когда сосуд наполнился кровью, удовлетворенно прокомментировала Серен. – Захочет – ранит. Захочет – убьет. Вот только за свое предательство ты не заслуживаешь легкой смерти.

– Пойдем, – поднявшись с колен, велела молодой женщине ведьма, по большей части предпочитавшая молчать.

– Обязательно загляну завтра. Расскажу о том, как умерла Александрин, – послала пленнику воздушный поцелуй герцогиня и, больше не оглядываясь, зашагала за своей наставницей.

Постепенно в подземелье вернулись тьма и тишина. Еще долго страж стоял на коленях, воскрешая в памяти каждую угрозу женщины, которую когда-то любил до безумия. А теперь это чувство превратилось в такую же слепую, жгучую ненависть, что сводила с ума.

Без него Ксандра завтра погибнет. На стороне Серен лесная ведьма и ее древнее колдовство. Противостоять которому девушка не сможет.

Раз он не смог.

Прикрыв глаза, маг резко втянул сырой холодный воздух, пробуждая в себе силу темных чародеев, его предков. Глубинная тьма, смешиваясь с кровью, потекла из ладоней, острыми щупальцами вонзилась в землю. С губ сорвались слова призыва.

Призыва существа, которого страж ненавидел даже больше, чем Серен. С которыми сражался всю свою жизнь.

А теперь собирался стать с одним из них единым целым.

Глава 5

Карета ехала, уныло скрипя колесами по пустынным улицам просыпающегося города. Приникнув лбом к стеганой обивке из мягкой кожи, я отрешенно смотрела в окно на предрасветные сумерки, постепенно прогоняемые лучами восходящего солнца. Де Лален то ли спал, то ли делал вид, что спит, лишь бы не встречаться со мной взглядом. Я тоже старалась лишний раз на него не смотреть, опасаясь, что вот маг откроет глаза и я прочту в них осуждение и обиду. Довольно с меня и тех упреков, которых уже успела от него наслушаться, сразу после того как мы покинули подземелье Альнеи.

Касьена не интересовало ничего, кроме спасения брата. Судьба которого отныне стала мне безразлична. Остатки чувств, что рождали в душе тревогу за жизнь Морана, развеяло ветром правды, и теперь я напоминала себе ту самую высеченную из камня статую, в которую совсем недавно мечтала превратиться.

Вернувшись домой, мы молча разошлись по разным комнатам. Шевалье заперся в кабинете стража, прежде стрельнув в меня, точно ядовитой стрелой, уничтожающим взглядом. Я отправилась к себе в спальню. Пыталась уснуть, но мысли об отце, мэтре и о том, что стала собственностью убийцы, отпетого негодяя, не позволяли забыться.

Когда окончательно рассвело и город наполнился привычным шумом, явилась Мадлен с завтраком, на который я даже не взглянула. Обеспокоенная тем, что госпожа не положила в рот даже крошки булочки, девушка, вздыхая, принялась готовить меня к поездке в королевский дворец.

В угоду ее величеству для прогулки было выбрано платье из жемчужного шелка, расшитого черными розами. Глубокий вырез и манжеты были оторочены тончайшим кружевом, таким же белоснежным, как и мой веер.

Пока Мадлен колдовала над прической, я напряженно размышляла. Как объяснить королеве, почему мне безразлична судьба мэтра Леграна? Стоит ли рассказывать ей все, не имея на руках доказательств? Есть только мои слова да свидетельство опального мага, обвиненного в самом страшном преступлении – призыве демонов.

Хотя... так внезапно проснувшаяся во мне сила – чем не доказательство? Достаточно только заглянуть в мои глаза, по сравнению с которыми изумруды казались блеклыми стекляшками. Тем более всему Вальхейму известно, как сильно страж любил свою покойную жену, а значит, желание вернуть Серен к жизни не покажется королеве Алайетт абсурдной выдумкой.

По крайней мере, я на это очень рассчитывала.

С такими мыслями и надеждой, что сегодня мне посчастливится остаться с ее величеством наедине, если не для откровенного разговора, так хотя бы для того, чтобы испросить аудиенцию, я отправилась во дворец.

В распахнутые ворота Анфальма въезжали кареты: черные, красные, белые, с позолоченными колесами и сверкающими гербами, которые были изображены на дверцах экипажей. Придворные радужными ручьями стекались к мраморному фонтану, возле которого совсем недавно произошло нападение одержимой на ее величество королеву. И о котором, кажется, все уже благополучно забыли. Как и о многих других трагедиях.

Наверняка слух об аресте господина Леграна успел разлететься по всей столице, и жители Навенны вздохнули с облегчением, опрометчиво решив, что на смену черной полосе пришла белая. Я же отказывалась верить, что сердобольный маг мог быть замешан в столь богопротивном деянии, как связь с демонами.

Лица разодетых подданных светились улыбками и предвкушением чего-то весьма приятного, ожидаемого с большим нетерпением. А вскоре мне стала ясна причина утреннего ажиотажа.

Оказывается, не далее как вчера за ужином его величество Люстон XIV, утомленный зноем и столичной суетой, обронил мимоходом, что в конце месяца намерен переехать в Оржентель – старинную резиденцию королей Вальхейма, соседствующую с Чармейским лесом. В былые времена о нем ходила дурная слава. То дети там пропадали, якобы похищенные духами и лесными тварями. То ведьмы и колдуны, отрекшиеся от Единой и посвятившие себя служению темному божеству Морту, повелителю мглы, пугали своими дикими шабашами жителей окрестных деревень. Не удивлюсь, если безобразная старуха, с которой водила дружбу Серен, тоже обитает в Чармейском лесу.

Придворным не терпелось выяснить, кто же удостоится чести и получит приглашение последовать за королевской четой в Оржентель. Дабы проводить время в удовольствиях и развлечениях.

И если каждый из здесь собравшихся с замиранием сердца ждал заветного письма, скрепленного королевской печатью, я втайне молила Единую, чтобы монаршая милость обошла меня стороной.

Моим надеждам на приватную беседу с государыней не суждено было сбыться. За два часа, что длилась прогулка, у меня не было ни малейшей возможности приблизиться к ее величеству. Пестрым жужжащим роем облепили королеву фрейлины, словно она была медоносным цветком, и каждой хотелось урвать себе немного пыльцы, другими словами, выклянчить у государыни заветное приглашение.

От смеха, шума, несмолкающих возгласов у меня уже ломило виски. Голоса придворных сливались в оглушительную какофонию. Дневной свет ослеплял. Из-за жары, тугого корсажа было трудно дышать. Даже фонтаны, орошающие газоны и клумбы прохладными брызгами, не спасали от полуденного зноя.

Чувствуя, что еще немного, – и свалюсь в обморок в ближайшие кусты, я на нетвердых ногах направилась к искрящейся на солнце громаде дворца, надеясь, что в прохладе его многочисленных залов и галерей мне станет лучше. К счастью, моего исчезновения никто не заметил, а потому не пытался меня задержать. Королевские бездельники были поглощены составлением планов на грядущую поездку и в мыслях уже выписывали для себя новые наряды, шляпы и драгоценности, желая затмить и перещеголять друг друга в роскоши.

Тихий голос – должно быть, внутренний – советовал поспешить. По лестнице, преодолевая ступень за ступенью, я поднялась на третий этаж, миновала вереницу комнат, не замедляя шага. Пока не оказалась перед дверями, расписанными позолотой.

Не было ни сил, ни желания противиться вкрадчивому шепоту. Послушная очередному приказу, шагнула внутрь.

И тут же испытала острое желание повернуть обратно.

– Подойди, – небрежно бросила Опаль, и некая сила оттолкнула меня от дверей, с которыми совершенно не хотелось расставаться.

– Адриен? – прошептала я пересохшими от волнения губами, заметив сидящего в дальнем углу стража.

Не спеша поднявшись, де Грамон галантно поклонился, сверкнув белоснежной улыбкой. Опасной и хищной.

– Ближе, – поманила меня изящным пальчиком герцогиня и выглянула в распахнутое окно, обращаясь к магу: – Как думаешь, Адриен, разобьется насмерть или только покалечится?

– Ставлю на первое, – не сводя с меня глаз, усмехнулся чародей.

По телу пробежал ледяной озноб. Я было попятилась, но после очередного приказа «не двигайся, дорогая кузина», – замерла, точно приросла к полу.

Слух резануло, как д'Альбре ко мне обратилась, и я не замедлила переспросить:

– Кузина?

Волна за волной на меня накатывал страх. Разумом понимала, что надо бежать, а сдвинуться с места не было сил.

Меня так и не удостоили ответа. Вместо этого последовал вопрос:

– Ты ведь поделишься со мной своей магией, милочка? – Опаль приближалась, словно крадущаяся к жертве тигрица.

Следовало сказать категорическое «нет», но с губ сорвалось послушное:

– Да.

Как еще в ноги ей не поклонилась.

Герцогиня удовлетворенно кивнула.

– Тогда будь послушной и повторяй за мной слово в слово. А потом я тебя освобожу. – Оглянувшись на стража, со зловещей улыбкой добавила: – Освобожу навсегда.

При виде господина, смерчем ворвавшегося в дом, служанки, что все утро старательно натирали мраморные плиты пола, застыли со щетками в руках. Привлеченная шумом, в холл вбежала остальная прислуга и теперь испуганно шарахалась от маркиза в стороны. Его светлость походил на разбуженного глубокой зимой медведя. Выглядел злым, если не сказать разъяренным. В глазах, оттененных синевой, полыхал дикий огонь.

Молоденькая служанка, которую де Шалон едва не сбил с ног, попросту ее не заметив, в последний момент успела отскочить. Вжавшись в стену, дрожащей рукой осенила себя знаком Единой. На всякий случай еще и глаза прикрыла, наивно полагая, что, если не будет смотреть на господина, гнев его обойдет ее стороной.

– Ваша светлость! – ринулся следом за стражем вверх по лестнице Гастон, мучимый единственным желанием: поскорее выяснить, что же приключилось с хозяином.

Почему на нем рубашка не первой свежести, вся мятая, а местами еще и рваная. И что самое страшное, перепачканная в крови. Почему маркиз, всегда так щепетильно относившийся к своей внешности, вот уже который день не посещал брадобрея, успел зарастить щетиной и теперь напоминал разбойника с большой дороги. А главное, из-за чего он такой взбешенный.

Того и гляди даст волю своей силе и разнесет дом по кирпичикам.

– Где моя жена?! – обернувшись, зарычал де Шалон.

Испугавшись угрозы, сквозившей в голосе чародея, незадачливый дворецкий интуитивно попятился назад. Оступился и, если бы не отполированные до блеска перила, за которые вовремя успел ухватиться, кубарем покатился бы вниз. Любопытство как рукой сняло, теперь Гастон куда охотнее предпочел бы оказаться рядом с той юной горничной, что продолжала трусливо жмуриться.

– Ее светлость изволили отбыть в Анфальм по приглашению ее величества королевы, – на одном вдохе протараторил слуга, осторожно, ступень за ступенью, спускаясь обратно в холл.

Страж в сердцах выругался, заставив челядь в который раз напряженно вздрогнуть.

– Приготовь мне костюм! Да поживее! – гаркнул раздраженно, заметив, что Гастон, вместо того чтобы следовать за хозяином, уже намылился сбежать на кухню.

Низко поклонившись, так, что едва не приложился о ступеньку лбом, мажордом помчался в покои маркиза. А его светлость ринулся в кабинет, на пороге которого столкнулся с белым как простыня Касьеном.

– Хвала Единой! – облегченно воскликнул де Лален, испытав двойственное чувство. Радость от того, что увидел брата живым и относительно невредимым. И гнев, к которому примешивалось разочарование. Ведь самый близкий ему человек, один из благороднейших людей Вальхейма, оказался безумен в своей любви к женщине, которая этой самой любви была недостойна. – Но как ты выбрался? Моран! Где тебя демоны носили? Это все Опаль никак не успокоится?

– Серен, – буркнул страж.

Шевалье открыл было рот, намереваясь продолжить расспросы, но тут же его захлопнул, огорошенный ответом маркиза. Посторонился молча, пропуская стража в кабинет, и, пока тот что-то искал в столе, ошеломленно проронил:

– Так ты все-таки вернул ее... Без Александрина? Но как же...

Страж замер, словно время вокруг застыло. Черты лица его заострились, от напряжения на лбу вздулась жила. Гнетущая тишина повисла в кабинете. Касьен поежился, ощутив на себе тяжелый, пронизывающий взгляд мага.

– Она знает?

Шевалье мрачно кивнул:

– Обо всем. О том, что ты собирался принести ее в жертву своей одержимости Серен. О том, что избавился от барона, когда тот попытался тебя раскрыть.

Моран зажмурился, тщетно пытаясь совладать с чувствами. Надежда на то, что у него еще оставалась возможность все исправить, рассыпалась, как карточный домик.

– И даже не отрицаешь... Ты с этой своей любовью совсем рехнулся! – разозленный поведением брата, выкрикнул Касьен. В тот момент у него даже руки зачесались, таким непреодолимым было желание врезать стражу, да побольнее, вдруг бы это помогло прочистить про-спиртованные любовью мозги.

– Я находился под внушением и не понимал, что творю, – то ли оправдывался, то ли просто объяснял свои мотивы и поступки де Шалон. Он продолжал осматривать стол, безжалостно потроша его содержимое. Наконец облегченно вздохнул, обнаружив в закромах небольшой ларец темного дерева.

– Что это? – нахмурился де Лален.

– То, что поможет уберечь Ксандру. Хотя бы на какое-то время.

– Моран, ты можешь мне все объяснить? Я уже и сам скоро свихнусь! После всего, что рассказала Александрина...

– Потом. – Быстрым шагом страж направился по коридору к спальне. – Сначала найду ее и привезу домой. Вели подготовить карету.

– Лучше сначала сделай что-нибудь с ее отцом! Она тебя сейчас даже видеть не хочет, не то что слушать... – начал был Касьен, но осекся, когда маркиз захлопнул дверь прямо перед его носом.

Шевалье де Лалену ничего не оставалось, как отправиться вниз отдавать распоряжения конюху.

Пока слуга помогал господину переодеваться, взгляд мага то и дело падал на отражающееся в зеркале существо. Вместо своего лица маркиз видел оскалившуюся безобразную морду демона.

Д'Альбре взяла меня за руку.

– Присядем-ка, кузина.

Точно ягненка, приготовленного к закланию, повела к обитой блестящим глазетом софе, которую еще совсем недавно занимал Адриен. Заставила на нее опуститься, после чего уселась рядом, вызывая во мне пренеприятнейшие ощущения и немой протест.

По-прежнему не понимая, чем заслужила это родственное обращение, я тем не менее больше не задавала вопросов. Сидела, словно деревянная кукла, и чувствовала, как на висках выступает испарина от охватившего меня ужаса.

– Адриен, милый, проследи, чтобы нам никто не помешал, – очаровательно улыбнулась герцогиня, и страж послушной марионеткой бросился к дверям.

Хлопнули створки. Мы остались одни, изолированные от окружающего мира обтянутыми шелком стенами, по которым струился изящный цветочный узор.

– Зачем тебе моя сила? – слова давались с трудом.

– Твоя? – хмыкнула д'Альбре, остервенело стиснув мои пальцы.

Я вскрикнула от боли, но даже не попыталась вырваться. Продолжала смотреть ведьме в глаза, словно загипнотизированная, и ловила в них свое отражение.

– Все, чем владеешь ты, по праву принадлежит мне! – не хуже гадюки зашипела герцогиня. – Моя сила. Мое имя. Мой муж. Пора возвращать долги, милочка.

– Серен? – Сердце ухнуло куда-то вниз и, кажется, совсем перестало биться.

Дернулась было, вложив в этот мимолетный порыв все свои усилия, но хватка у герцогини была железной.

– Повторяй за мной, – отчеканила ведьма.

Подвластная неведомым чарам, я покорно зашевелила губами. И рада была бы оттолкнуть ее от себя, да только мой разум и мое тело связали самыми прочными путами – магией.

С каждым вздохом, с каждым новым словом, что складывались в роковые фразы, сила, сопутствовавшая мне на протяжении последнего времени, покидала меня, перетекая к сидящей рядом чародейке.

Опаль... Серен... Все смешалось. Сознание постепенно растворялось в густом липком мареве, вместе с тающей надеждой выбраться невредимой из очередного коварно расставленного капкана.

Заточенное внутри пламя, так неожиданно осветившее мой мир, превратившее меня из пустышки в ту, что что-то значила, гасло. И казалось, вместе с ним угасала и моя жизнь.

Я не боролась. В какой-то момент пришло осознание, что все бесполезно. Соперница оказалась хитрее и теперь ликовала в предвкушении победы. Зажмурившись, я чувствовала, как слезы обжигают лицо. Покорно отрекалась от того, что стало частью моего естества.

Не сразу в затуманенный чарами мозг проникли посторонние звуки. Крики и брань, которые сменил грохот распахнутых дверей. Легким перышком де Грамон влетел в зал, неожиданно прервав наше, кем бы ни была эта стерва, общение.

Под левым глазом стража набирал цвет здоровенный синяк.

Кто же это его так поприветствовал?

Не успела эта мысль промелькнуть в моем не слишком ясном сознании, как следом за слегка помятым сиятельством в зал ворвался раскрасневшийся Касьен. По сравнению со здоровяком Адриеном шевалье казался тщедушным юнцом, и я даже успела удивиться, как это моему спасителю удалось подбросить де Грамона, словно тот являлся мячиком для бильбоке. А потом... увидела *его*.

Сложно сказать, что испытала при появлении стража. Самые противоречивые чувства бурлили во мне, словно вода в котелке, стоявшем на огне. Кстати, об огне.

Де Шалон что-то выкрикнул (из-за гула, вдруг возникшего в голове, я не сумела разобрать его слов; наверное, выражал радость по случаю возвращения своей ненаглядной) и в одно мгновение оказался со мной рядом. Опомниться не успела, как на запястье щелкнул браслет. Серебристый металл словно впитался в кожу, и меня накрыло горячей волной.

Опаль, которая, кажется, была вовсе не Опаль, испуганно вскрикнула. Ощетинившейся кошкой рванула в сторону, чтобы спрятаться за широкую спину своего голема. Адриен уже успел подняться, демонстративно вытирая сочившуюся из разбитой губы кровь.

Но мне уже было не до них. Благодаря стараниям демонового муженька я словно превратилась в кусок раскаленного металла. Было такое ощущение, что еще немного, и сгорю заживо. И даже закралось подозрение, что Моран явился сюда, дабы помочь своей бывшей (уж не знаю, любовнице или жене) отправить меня на тот свет. Но тогда почему Касьен ему помогает...

Неужели заодно с этим предателем?!

Нижняя сорочка вмиг пропиталась потом, липла к спине. Ладони стали влажными, а губы, наоборот, пересохли. Я бы сейчас жизнь отдала за маленький глоток воды. И с удоволь-

ствием нырнула бы в один из фонтанов, что наполняли королевский парк призывным журчанием.

– Да как ты посмел! – истерически взвизгнула д'Альбре.

– Ты не получишь ее силу, Серен, – словно из другой реальности послышался жесткий голос стража.

Я перебралась на другой конец софы, чтобы увеличить разделявшее нас расстояние. Вот было бы здорово, если бы сейчас произошло землетрясение и посреди комнаты разверзлась пропасть. Пробовала стащить обжигающее украшение, но браслет обвивал запястье, словно его впаили в кожу.

С ненавистью покосилась на мужа... и тут же растерянно заморгала. Вместо одного черноглазого негодяя почему-то мне виделось целых три. Ан нет, уже четыре. Моран расплывался и продолжал множиться. Черты лица его казались размытыми. Как и окружающая обстановка и софа, по которой я шарила рукой в поисках оброненного где-то веера.

Проклятье! Должно быть, потеряла.

Дальнейшее общение нашей теплой компании сохранилось в памяти урывками. Все мои мысли были только о том, как бы не сгореть в этом невидимом костре. Того и гляди от меня останется один тлеющий уголек.

– Все-таки выбрался, – продолжала тем временем практиковаться в умении шипеть сероглазая мамзель, выглядывая из-за широкого плеча своего охранника. Мрачно хмыкнула: – Заблокировал ее силу. Умноб.

Маркиз рванулся было к бывшей, но был остановлен грозным предостережением де Грамона:

– Только тронь ее!

– Напасть на невестку кардинала среди бела дня, да еще в королевском дворце – а вот это уже, дорогой, глупо, – раздалось насмешливое замечание из-за спины блондина.

– Моран, пойдем. Ей плохо, – вспомнил Касьен о том, что я тут сгораю заживо.

Повисло напряженное молчание, которое длилось как будто целую вечность.

– Что-то ты не торопишься спасти мою дорогую кузину, – первой нарушила его д'Альбре. – Поспеш, милый. Пока запертая тобою магия не спалила ее дотла. Или, может, захотелось снова стать вдовцом?

У стража и у многочисленных его копий желваки заходили на скулах. Но он сдержался. Только обронил холодно:

– Потом разберемся! И с тобой тоже, – бросил на Адриена презрительный взгляд и склонился надо мной.

Рука так и чесалась вцепиться магу пощечину, только я не знала, какому из них, чтобы уж наверняка не промахнуться. Но, увы, даже на это сейчас не было сил. Несмотря на слабый протест, выразившийся в нечленораздельном мычании, страж подхватил меня на руки и куда-то понес.

Куда – не запомнила. Стоило голове коснуться его плеча, как я провалилась в беспамятство.

Глава 6

Уже и забыла, когда в последний раз мне снился приятный сон. Не кошмар вроде того, в котором де Шалон осыпал поцелуями прелести одной небезызвестной блондинки, губами собирая с ее тела яд, а потом корчился в предсмертной агонии. Или, например, тот, в котором умирала я, принесенная в жертву маньяком-мужем. Страж возвышался надо мной, прожигая безумным взглядом, и все ждал, когда место новой жены займет горячо любимая старая.

Порой мне снилась сама Серен, коварно похищавшая мою силу. Ту, которой меня с рождения наделила Единая. Беспомощная и жалкая, я оказывалась в храме, среди жрецов богини. Угрюмыми тенями они сновали вокруг, пряча лица в глубоких капюшонах, и монотонно бубнили, называя меня ничтожеством и пустышкой.

Наверное, сегодня сознание решило дать мне выходной. Впервые за долгое время совершенно не хотелось просыпаться. Я видела сестер. Их улыбающиеся, счастливые лица, обрамленные задорными кудряшками цвета бушующего пламени. Слышала окрики маменьки, в которых не звучало привычного недовольства. Наоборот, кажется, баронесса чему-то радовалась. А еще... Ко мне доносился голос отца. Мягкий, теплый и такой ласковый. Он согревал подобно солнечным лучам, после затянувшегося ненастья наконец пробившимся сквозь сизые тучи.

Как же приятно хотя бы во сне оказаться дома! Ни за что не открою глаза! Даже под страхом смерти не вернусь в унылую реальность. Лучше так продолжать жить в мечтах, рожденных подсознанием.

Увы, идиллическую картину, тешившую мой внутренний взор, развеял ураган под названием близняшки.

– Это я буду сидеть возле папá! – разорялась Лоиз.

– Нет, я! – визгливо вторила сестре Соланж, в кои-то веки не желавшая уступать в споре. – Где ты была, когда папá был болен? А? Это я читала ему каждое утро и каждый вечер!

– А я каждый день собирала для него цветы!

– Ну полноте, успокойтесь, – вплеся в страстный диалог голос маменьки. – Отец еще очень слаб и нуждается в покое. А у вас с утра рты не закрываются.

– Но мы ведь по нему скучали!

Мне так и виделось, как Соланж невинно хлопает ресницами и не оставляет попыток втиснуться между сестрой и родительским креслом, чтобы оказаться поближе к отцу.

– Но это не повод демонстрировать столь отвратительные манеры. Что о вас подумает его светлость? – буркнула родительница, припечатав строго: – Ведите себя прилично!

Упоминание о подлой светлости прогнало остатки сна. Я села на постели, осоловело осмотрелась, дабы окончательно удостовериться в том, что это не бред. Нет, я действительно дома в Луази, и препирательства близняшек – не моя фантазия. И голос матери слышу наяву. А ведь до этого слышала голос... отца.

Как подхлестнутая соскочила с кровати, запуталась в простыне, едва не навернувшись на ровном месте. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что у меня все еще жар, а запястье по-прежнему обвивает треклятый браслет. Сила, представлявшаяся мне большим огненным шаром, пульсировала внутри, ударяясь о ребра. Как будто у меня в груди теперь билось два сердца. И одно из них – то, которое огненное, – продолжало стремительно расти.

Надеюсь, благодаря стараниям маркиза магия не испепелит меня изнутри.

Мысль эта надолго не задержалась в голове. Растрепанная, босая, в одной сорочке я влетела в гостиную и замерла посреди комнаты, не веря своим глазам. Папá сидел в кресле возле камина и как ни в чем не бывало набивал трубку табаком, никак не реагируя ни на препирательства младшеньких, ни на назидательные речи жены.

– Ксандра, милая! – При виде меня отец отложил свою любимую деревянную игрушку. Привстал было, чтобы заключить меня в объятия.

Но я его опередила. В одно мгновение оказалась рядом, заняв то самое место, за которое так отчаянно сражались близняшки.

Зажмурилась, наслаждаясь ощущением безграничного счастья. Словно камень, что все это время давил на сердце, вдруг стал легче воздуха.

Почувствовала прикосновение шероховатых губ к щеке и ласковый шепот:

– Я так за тебя боялся.

– И эта туда же, – тем временем ворчала, точно столетняя старуха, маменька. – Где это видано – полуголой разгуливать по дому! И что подумает его светлость? – повторила сакральное.

Собиралась продолжить тираду, но раздавшиеся в прихожей шаги прервали нескончаемый словесный поток. Ее милость охнула от неожиданности и досады, что его светлость не только что-то там себе подумает, но и будет иметь возможность лицезреть жену в ночной рубашке.

В следующий миг зашуршали юбки – это сестры и мать опустили в реверансе.

Мне тоже очень захотелось, только не опуститься, а опустить. Что-нибудь тяжелое на голову черноволосого мага. Где-то тут валялась кочерга, которой мамá шевелила угли в камине...

Увы, оружие в поле зрения так и не попало. Зато в него попал Моран. Как всегда одетый безупречно, лощеный и такой надменно-спокойный, что у меня скулы свело от негодования и во рту появился горький привкус ненависти.

Может, если выплюнуть ее ему в лицо, это тошнотворное ощущение исчезнет, а он отравится.

В том, чтобы смотреть на супруга, сидя на коленях и задрав голову, как собачонка на господина, – приятного мало. Впрочем, ни в каком другом положении смотреть на стража я тоже не собиралась. Поднялась поспешно. Отец последовал моему примеру и встал рядом.

– Оставьте нас, – не размениваясь на приветствия, распорядился маркиз.

Одарив его вельможество очередным реверансом, мамá и сестры покорно засемили к выходу. Барон было ринулся за ними следом, но я схватила его за руку, как утопающий хватается за спасительную соломинку за миг до того, как пойти на дно. Больше всего на свете боялась остаться тет-а-тет с этим бессердечным предателем.

– Папá, это ведь он вас...

– Мне все известно, милая. – Родитель тяжело вздохнул, поцеловал в лоб свое катастрофически невезучее чадо. – Вам следует поговорить. – С этими словами его милость высвободил руку из моих непослушных, будто одеревеневших пальцев и покинул комнату.

На любимого родственничка даже не взглянул. Счастливцев. Может себе это позволить.

Тишина, наступившая после ухода родных, больно била по натянутым до предела, точно струны у лютни, нервам. Я не знала, куда глаза девать. Смотреть на стража не было сил, и в то же время снова и снова оказывалась в плену его глаз. В этом темном омуте, в котором тонула бесчисленное множество раз.

Но больше не буду.

– Полагаю, мне следует объясниться.

– Как по мне, вам лучше бы удавиться. За то, что сотворили с моим отцом и собирались сделать со мной.

Желая увеличить расстояние между нами, приблизилась к окну, расчерченному на мелкие квадраты светлой рамой. Краска на ней растрескалась, стекла давно не встречались с тряпкой. Сквозь мутноватую поверхность проглядывали идеально ровные грядки с пышными пучками моркови и лука. За ними тянулись яблоневые и грушевые деревья. Обычно именно в саду

мне приходилось прятаться от назойливого внимания месье Бошана, которого до маркиза мне настойчиво прочила в супруги маменька.

– Может, и следовало выйти за него замуж. Избежала бы всего этого кошмара.

– Я не хотел делать тебе больно.

Не оборачиваясь, с горькой усмешкой сказала:

– И именно поэтому чуть не отправил на тот свет моего отца? Когда я сидела у его постели, умирая от страха, ты утешал меня. Так искренне. С такой теплотой и нежностью. Лицемер. – Несмотря на то, что погода в Луази стояла непривычно теплая, казалось, сюда в гостиную вернулась зима. Того и гляди окна заиндевеют. И мне уже совсем не жарко. Наоборот, тело била мелкая дрожь. Обхватив плечи руками, я прошептала: – За это ненавижу тебя даже больше, чем за то, что ты с моей помощью собирался вернуть Серен!

Несколько шагов, стремительных, почти неразличимых, отчего кажется, будто ко мне подкрадывается хищник, и вот он рядом. Настолько близко, что я чувствую его дыхание, которое обжигает. В контрасте с ним властные прикосновения рук на плечах, от них мороз пробегает по коже. Дернулась, словно от удара, и отошла в сторону.

– Александрин, – голос мягкий, вкрадчивый, обволакивающий, – я не соображал, что творю. Ты сама стала жертвой ее чар и должна понимать, каково это – не владеть собственным разумом.

– И ты конечно же не любил ее! И где-то в глубине своего отравленного ядом сердца совсем не надеялся ее вернуть?

Пауза, длившаяся секунду, а может, вечность, лучше любых слов объяснила мне его мотивы и чувства.

– Все не так просто.

– Куда уж проще! – Обернулась, когда он вновь попытался ко мне приблизиться, вновь меня коснуться. Оттолкнула от себя, всем сердцем жалея, что не могу воспользоваться магией и воздвигнуть между нами стену из огня. – Помешанный на покойнице маг решил во что бы то ни стало ее воскресить и для этого женился на девушке, наивной пустышке, сердцем которой завладел играючи. А потом растоптал. Безжалостно. Как думаешь, каково мне было узнать, что ты выбрал меня только ради Серен? – По щеке скользнула слеза, за ней другая.

Отвернувшись, нервно провела рукой по лицу и услышала тихое:

– Ты винишь меня за мои поступки или за мои чувства?

– Я виню себя. За то, что так опрометчиво позволила себе влюбиться. А тебя просто презираю.

И снова эта дурацкая тишина. Мне бы убежать, да ноги не слушаются. И сердце, вместо того чтобы переполниться тем чувством, о котором только что говорила, заполняет тоска. Непрошенные воспоминания мелькают в памяти, и от них, как от приторно-сладкой наливки, кружится голова. От его присутствия, от его голоса. Взгляда, который то колет льдом, то обжигает.

К счастью, Моран больше не пытался меня коснуться. Может, огненная преграда между нами и не выросла, но незримая была не менее ощутима.

– Ты даже не пытаешься меня услышать. Единой клянусь, я боролся с собой! Каждый день. Каждый день, что ты была рядом. Больше всего я боялся тебя ранить.

– Бедный страдалец, значит? – зачем-то выдавила улыбку. – Может, ты и Опаль сделал любовницей исключительно по чьей-то прихоти? И этого кого-то следует винить в том, что она дважды пыталась меня убить.

Глянула на мага украдкой. Лицо его исказилось гримасой то ли боли, то ли досады.

– Опаль поплатилась за свои грехи.

– Вот только на ее месте теперь монстр куда более непредсказуемый и опасный. Забирай свой браслет и уходи! – Протянула стражу руку, мысленно убеждая себя, что еще одно его

прикосновение как-нибудь перетерплю. – Убирайся через демоново зеркало, а потом я его разобью!

В голосе, который еще мгновение назад казался проникновенным и бархатным, который в прежние времена дурманил мне разум, теперь звучала сталь. Взгляд чародея стал холодным и колким, явив мне настоящего стража. Того, которого повстречала на балу в Тюли и для которого была в тот вечер не более чем невзрачным предметом интерьера.

Да и в дальнейшем отношение ко мне маркиза особо не поменялось.

– Я не уеду без своей жены, – отчеканил резко, и меня снова замутило от ненависти.

Недолго же оправдывался и строил из себя невинную овечку. Или правильнее будет назвать стража невинным бараном? Раз так легко позволил одурманить себя чарами. Хотя нет, если уж и причислять его светлость к парнокопытным, тогда он самый настоящий козел!

– Бывшей. Уже почти бывшей жены.

Взглянув на стража, в недоумении нахмурилась. Улыбается? Интересно, что это его вдруг так развеселило?

– Действительно надеешься со мной развестись?

Еще и спрашивает! Нет, я планирую жить долго и счастливо и умереть в один день со своим несостоявшимся убийцей. Нарожать ему кучу детей, чтобы вечерами рассказывать им сказки. Сказки о том, как их любимый папочка планировал принести в жертву их любимую мамочку и отправил в бессрочный магический сон их ни в чем не повинного дедушку.

– Скажи спасибо, что я пока не планирую стать вдовой! – прошипела яростно. – Но если будешь настаивать на нашем воссоединении, с удовольствием поведаю их величествам историю твоей безумной любви!

– Я единственный, кто сможет защитить тебя от Серен. Если меня арестуют, ты останешься без защиты. Александрин, уйми обиду и отправляйся со мной в Навенну.

– Простоними это демоново украшение, – повторила закипающая. Надоело чувствовать себя вечно тлеющим огарком. – И можешь катиться вместе со своей демоновой заботой к своей демоновой Серен. Теперь у тебя бывшая жена с бывшей любовницей в одном флаконе. Идеальный тандем. Вот и пользуйся им на здоровье. А меня, будь любезен, оставь в покое!

Казалось, еще немного, и он зарычит. Страж рванулся ко мне, я отступила. Взгляд черных глаз полыхнул гневом, сдерживаемым из последних сил. Появилось в них что-то зловещее. То, чего я прежде не замечала и что меня по-настоящему напугало. В выражении лица мага, в том, как он на меня смотрел, было что-то... нечеловеческое. Глупость, наверное, но в тот момент запал спорить с благоверным значительно поубавился.

– Браслет останется с тобой, – чеканя каждое слово, заявил деспот. – Благодаря ему ты будешь в безопасности. Относительной. Сила твоя будет заблокирована, а значит, Серен не сможет ее у тебя отнять.

Снова подумалось о кочерге. С каким удовольствием я бы пронзила ею гнилое сердце негодяя, который продолжал снисходительно цедить слова. Каждое – напоминание о том, что я по-прежнему в его власти. Его жена. От которой де Шалон почему-то не собирался отказываться. Даже предположить боюсь, для чего еще я могла ему понадобиться.

– Постарайся оставаться спокойной, иначе поднимется температура. Мне жаль, что артефакт доставляет тебе неудобства.

А мне жаль, что Опаль тебя тогда не отравила...

– Даю три дня на то, чтобы ты перебесилась. Потом я вернусь, и мы поедем в Навенну.

Обычно супружеские прощания сопровождаются поцелуями и объятиями. В моем случае вместо поцелуя угрозой прозвучал ультиматум. Объятия заменил взгляд, которым меня проткнули, как будто той самой кочергой.

И пока я отходила от шока и обдумывала слова маркиза, его светлость убрался в столицу через свое треклятое зеркало.

Нет, все-таки зря тогда не вышла за месье Бошана.

Глава 7

– Что-то ты быстро... – Касьен исподлобья глянул на брата и снова сосредоточился на книге, разложенной на письменном столе.

Туман, затянувший зеркало, рассеялся. Страж оглянулся на свое отражение, но тут же поспешил отвернуться. Монстр в серебристой глади вызывал отвращение. Благо никто, кроме самого Морана, не видел демона. Касьена бы удар хватил, узнай он, какая дрянь засела в теле его молочного брата.

Засечь демона, к счастью, пока что стражи не могли. Но это был лишь вопрос времени. Пока тварь не проявит себя. Хотя уже сейчас она влияла на мага, делала его вспыльчивым и раздражительным. Или, может, причиной этого были минувшие потрясения.

Маркиз уже и не знал, что оказывало на него столь пагубное воздействие. Возвращение Серен, все это время им манипулировавшей; призванное им потустороннее существо или же Ксандра, которая даже не попыталась его понять или хотя бы выслушать.

Почувствовав, как гнев обжигающей лавой растекается по венам, мужчина с силой сжал в руке бокал, наполненный янтарным кальвадосом. Хрустальный сосуд подернулся узором из трещин.

– Судя по тому, что ты вернулся один, разговор прошел не очень.

– Александрин выбрала самый легкий путь – во всем обвинила меня, – сухо обронил страж.

– Как это подло и непростительно с ее стороны, – саркастически заметил де Лален.

Не обратив внимания на иронию в голосе друга, чародей мрачно усмехнулся:

– Не такими уж и сильными были ее чувства, раз она так легко решила от них отказаться. Де Лален откинулся в кресле.

– А чего ты ждал? Моран! Ей больно. Она чувствует себя обманутой. Действительно думал, что одного разговора и пары фраз извинений будет достаточно, чтобы она обо всем забыла и снова тебе доверилась? Дай ей время, и все у вас наладится, – не слишком уверенно закончил Касьен. Вдохнул печально и отложил книгу, чтобы присоединиться к его светлости, напряженно цедящему крепкий напиток.

– Я дал ей три дня, – стоя у окна и пожирая взглядом утопавшую в зелени улочку, проглядывавшую сквозь кованый орнамент ворот, тихо сказал страж.

– Продолжай в том же духе, и она сбежит из Вальхейма, только чтобы тебя не видеть.

– И что ты предлагаешь? Я не могу бороться с Серен, сидя в демоновой деревне! – раздраженно произнес маркиз. – И оставить ее без защиты тоже не могу. Как она этого не понимает!

– А что же артефакт? Разве он не должен ее оберегать?

– Браслет защищает только ее силу. Сама же Ксандра по-прежнему в опасности. Ей следовало бы быть менее беспечной.

Де Лален задумчиво пожевал губами.

– Не сделал ли ты только хуже, лишив ее единственного оружия – магии?

– Потому она и должна быть рядом со мной! – резко отрубил маркиз. – Я ее оружие и защита.

– И что, Александрин самой не снять эту твою побрякушку?

– Серен не смогла, – проронил де Шалон, погружаясь в воспоминания о тех днях, когда слепо любил самую опасную и непредсказуемую женщину Вальхейма. Заметив недоумение в голубых глазах брата, коротко пояснил: – Пару лет назад один из стражей, Фонзак, пытался призвать высшего демона. Уж не знаю, зачем тот ему понадобился. Допросить мага мы не смогли, тварь растерзала его, едва выбралась из своего мира. На поимку демона были брошены

все силы. Серен порывалась принять участие в охоте, но я не позволил. Боялся, высший ей навредит. К тому времени он уже уничтожил с дюжину магов. Я не хотел рисковать женой и заблокировал на время ее силу. Серен была в ярости, но мне так было спокойней.

Касьен невольно посочувствовал брату, представив разъяренную фурию, в которую превращалась бывшая маркиза де Шалон всякий раз, когда не получала желаемого. И сейчас гнев этой фурии был направлен на Александрина, а они даже смутно не представляли, каким окажется ее следующий шаг.

– Боюсь, Александрин расценивает твои действия не как заботу, а как проявление твоей власти над ней. Еще и этот твой ультиматум – три дня. Моран, ей нужно больше времени, больше свободы. А ты загоняешь ее в угол. – Заметив, что колдун собирается возразить, шева-лье быстро добавил: – Следи за ней через зеркало. Хочешь, отправь в Луази меня. Пусть я не страж, но смогу о ней позаботиться. А ты пока займись нашей проблемой – герцогиней д’Альбре и тем, кто за ней стоит.

Некоторое время де Шалон молчал, обдумывая слова Касьена, одного из немногих, к кому прислушивался и кому безоговорочно доверял. В том, что у Серен имелся могущественный покровитель, Моран даже не сомневался. Оставалось раскрыть личность врага, чтобы знать, чего от него ожидать.

А главное – маг зацепился взглядом за злосчастное зеркало, которое уже успел возненавидеть, так же, как и свое в нем отражение, – сделать все возможное и невозможное, чтобы изгнать из себя демона.

Высшего.

Помнится, когда в Луази отправляли зачарованное зеркало вместе с моим отцом, усыпленным этим зачарованным гадом, слугам был дан строжайший наказ: осторожно обращаться с бесценным подарком стража, чтобы ненароком его не разбить.

Не успела его демонова светлость убраться в зазеркалье, как я, вооружившись обнаруженной-таки кочергой, провожаемая недоуменным перешептыванием сестер и причитаниями маменьки, отправилась в родительскую спальню – превращать в крошево маркизов презент.

Не знаю, что за чары наложил этот мерзавец, пока я находилась в беспмятстве, но, когда кочерга встречалась со стальной гладью зеркала, комнату наполнял протяжный гул. От каждого удара такая хрупкая на вид поверхность, заключенная в тяжелую резную раму, начинала дрожать, но даже не думала трескаться. Вместо этого подергивалась рябью, будто я не зеркало разбивала, а гоняла ветер над корытом с водой.

– Ксандра, ты что вытворяешь?! – всплеснула руками родительница, ворвавшись в спальню.

– Уйдите, мамá, от греха подальше, – посоветовала я (все-таки это у меня в руках кочерга, а у нее – потрясающее умение доводить окружающих до белого каления) и снова со всей силой, на какую только была способна, обрушилась на подарок муженька. Ну хоть бы трещинка, хоть бы малюсенький осколочек отвалился!

– Ксандра! – Голос баронессы взвился до фальцета. – Немедленно прекрати!

– Лучше уйдите, – процедила сквозь зубы, нанося зеркалу еще один, хотелось бы верить, сокрушительный удар.

И хоть бы хны.

Хорошо, родительницу все-таки удалось выставить, напугав ее до полусмерти. Еще бы не напугаться! Когда на тебя рычит босая растрепанная девица в ночной сорочке, остервенело размахивая закоптелой железякой. Наверное, со стороны я выглядела как завсегдатай больницы для душевнобольных.

А попробуй с таким-то мужем остаться вменяемой.

После ухода матери еще долго я молотила кочергой по зеркалу, попутно осыпая его проклятиями, не забывая и благоверного упомянуть.

Все тщетно. Обессиленная, сползла на пол, в изнеможении прикрыла глаза. Объятое жаром тело дрожало, сорочка пропиталась потом, тонкий обруч, сжимавший запястье, раскалился, обдаваемый невидимым пламенем.

И за это мне тоже следовало благодарить Морана.

Чтоб он во мглу провалился!

В себя пришла только утром следующего дня в постели с влажной тряпкой на лбу. Сестры, сидящие рядом, ерзали на стульях от нетерпения. Бедняжки все извелись, ожидая, когда я проснусь и они смогут приступить к допросу, дабы выяснить, что же произошло между мной и стражем. Оказывается, его светлость не удосужился объясниться, обмолвился только, что мы с ним немного повздорили.

Немного? Да я готова была вчера его убить! За фальшивые извинения, оброненные мимоходом. Да еще и с такой отмороженной физиономией. Уверена, если бы айсберг заговорил, у него бы и то просьба о прощении прозвучала искренней и убедительней.

Моему отцу чародей поведал чуть больше. Покаялся (вроде как), заявив, что действовал не по своей воле, а под влиянием Серен, имевшей виды на мое тело. Страж скрыл от барона ее возвращение. За это я была ему благодарна. Папá только очнулся, только начал возвращаться к привычной жизни, которую мне совершенно не хотелось портить, заставляя его нервничать и постоянно пребывать в напряжении, задаваясь вопросом: а что же будет дальше? Достаточно и того, что я не выбираюсь из этого состояния.

Из-за ультиматума мужа – «вернусь через три дня» – я не находила себе места. Решила, что никуда с ним не поеду. Ни через три дня, ни через три столетия. Придется Морану забирать меня из Луази силой. Впрочем – горько усмехнулась, – его светлость сделает это с превеликим удовольствием, в который раз продемонстрировав свое превосходство над незащитной женой.

Валяться в постели и покорно ждать возвращения изверга я не собиралась. Следовало как можно скорее избавиться от заразы, именуемой браслетом, и вернуть себе силу. А там уже я сумею оказать милому достойный прием. И на зеркало его найду управу.

Только сначала вновь обзаведусь магией.

Надеюсь, что в этом мне поможет дражайшая кузина. Вернее, богатая библиотека графов ле Круа. В которую я однажды уже собиралась заглянуть, но из-за видения, внезапно обрушившегося на меня, не помня себя от тревоги, помчалась обратно в столицу спасать стража.

Но, как оказалось, это мне следовало от него спасаться.

Собралась я быстро, под аккомпанемент назойливых вопросов сестер, так и не получивших ни одного ответа и из-за этого надувшихся еще больше.

Ну точно два бурундучка.

Несмотря на то что окрестности всю ночь поливало дождем, а на небе по-прежнему злое клубились тучи, обещая продолжение ненастья, я была рада вырваться из дома, в котором чувствовала себя как в клетке. И все из-за обещанной маркизом скорой встречи.

Спустя четверть часа уже мчалась верхом по проселочной дороге к заброшенной усадьбе. Сырой, не по-летнему холодный ветер развеивал шелковую накидку, не оставляя попыток ее сорвать. Остужал разгоряченную кожу и, как ни странно, помог мне успокоиться и собраться с мыслями. Все-таки от гнева мало толку. Распаяясь, я только слабею. Не хотелось бы проваляться дни, что остались до возвращения стража, в постели. Лучше последую его примеру, буду холодной и сдержанной. Если бы еще внутри не бушевало, стремясь вырваться на волю, колдовское пламя...

Искусного плетения чар, разорванного мною несколько дней назад, так больше никто и не касался. Я скорее чувствовала, чем видела, как крупницы воздушной магии серебристым

инеем устилают заросшую сорняком дорогу у ворот. Как по бледно-желтому кирпичу дворца змеятся трещины, в тех местах, где прежде сплеталось кружево охранных чар.

А теперь это все истлело. Что позволило мне беспрепятственно проникнуть в пустынный, пронизанный сумраком, сыростью и тишиной дом. Преследуемая эхом собственных шагов, я поднялась по лестнице.

Пусть Моран действовал и не по своей воле, но тем не менее ее он любил, а я просто подвернулась под руку. О каком совместном будущем, доверии и искреннем чувстве может идти речь, если наш союз изначально строился на обмане и богопротивном колдовстве!

Развестись будет единственно верным выходом. Пусть от этой мысли и горько, и сердце как будто сжимают тиски. Пройдет.

Когда-нибудь я не только разучусь его ненавидеть. Я перестану его любить.

Просторное помещение, подернутое полумраком, хранило печать бывшего могущества графов ле Круа. Стеллажи, взмывавшие к затканым паутиной сводам, перемежались с портретами прежних обитателей дворца. Со старинных полотен на меня взирали сеньоры с выражением надменности и превосходства на крупных лицах. Как будто своими высокомерными взглядами напоминали мне о том, кем были они и кем являюсь я.

Одна из самых знатных семей Вальхейма. И вот что от нее осталось... Только воскресшая черная душа, застрявшая в теле представительницы другого рода.

Странно, что среди ле Круа не рождалось стражей. Серен, если мне не изменяет память, единственная, в ком проявилась сила морров.

Наверное, мне следовало гордиться, ведь у меня в предках, пусть и очень далеких, темные чародеи имелись. Вот только сложно гордиться тем, что от нас осталось – жалким клочком земли да обветшалым домом, с которого, словно поблекшая листва с деревьев, осыпались камни. Как и тем, что в твою родословную затесались стражи, а у самой у тебя не проявилось ни капли магии.

За исключением вроде как бы подаренной.

В воздухе витал горький запах пыли. Тусклый дневной свет едва просачивался сквозь витражи, на которых вились полевые цветы и распевали песни хрустальные соловьи. В расписных бра, покрытых пыльной паутиной, не горели свечи. Если бы не окаянный браслет, я бы легко справилась с этой проблемой. А так пришлось передвинуть кресло, стоявшее у камина, поближе к окну. Иначе, пока буду читать впотьмах, точно ослепну.

Распахнула ставню, с наслаждением вдохнула сырой, напоенный приближающейся грозой воздух. Дождь усилился, небо содрогнулось от громового раската, и из его недр, осветив на миг заброшенный парк, вылетела, точно из лука, кривая молния. Лучше пережду ненастье здесь, в окружении книг. Знать бы еще, с чего начать. Глаза разбегаются...

Оглядевшись по сторонам, решила подняться на антресоли.

Увы, некоторые книги оказались защищены чарами. Всякий раз, касаясь тисненых золотом корешков, я боялась, что подушечки пальцев снова будет жечь или колоть. Из тех манускриптов, что были доступны, удалось выбрать несколько. Кряхтя под их тяжестью, боясь навернуться с лестницы и полететь вниз вместе со стопкой старинных трофеев, осторожно спустилась по деревянным ступеням. Разложив книги на подоконнике, удобно устроилась в кресле.

Хм, и кто же у нас будет первым...

Наверное, начну с раритета, носящего интригующее название «Нейтрализующие заклятия». Посмотрим, что мы с их помощью сможем нейтрализовать. Парочка заклинаний привлекла мое внимание, вот только для их прочтения требовался маг. Можно было, конечно, поэксплуатировать близняшек. Хотя эти лентяйки с магией совсем не дружили. А временами еще и с головой. С них станется снять браслет не с моего запястья, а вместе с ним. Брр...

И тем не менее книгу я отложила, решив забрать ее домой и хорошенько проштудировать ночью. Есть ведь еще папá. Маменьку о помощи точно просить не стану, даже если Моран закует меня в кандалы и ошейник металлический защелкнет на шее. Себе дороже.

Раскрыв следующую книгу, я пропала для мира на несколько часов. В «Хрониках темных» рассказывалось о моррах и их потомках. О сущностях стражей и их силе. О страшной войне, развязанной одержимыми, и демонах, которых призывали древние чародеи.

До сегодняшнего дня даже не подозревала о существовании демонической иерархии. Оказывается, мгла кишит тварями разной степени могущества. Есть низшие, которых при желании может призвать любой, даже самый посредственный маг-стихийник. Сумеет ли потом такой «зверушкой» управлять – это уже как повезет. Да и наказание за призыв существа из потустороннего мира сурово – свидание с топором палача.

Были и такие демоны, именуемые высшими, которых могли призвать только самые сильные маги вроде стражей. Да и то не всех. К счастью.

Что-то мне подсказывало, что именно такого гостя впустила в себя Серен. Раз при всем своем могуществе и неотразимости не смогла потом избавиться от этой заразы. Непонятно только – зачем? Зачем было так собой рисковать? Совсем тронулась на почве жажды власти? Но, кажется, ей приказали... Хотела бы я познакомиться с человеком, которому была покорна эта страшная женщина.

Хотя нет, наверное, все-таки не хотела бы.

Я так увлеклась чтением преданий о моррах, что совершенно потеряла счет времени. Очнулась, только когда черная вязь строк начала теряться в наползающей тьме. Глаза слезились и болели от напряжения.

Устало зевнув, потянулась к последнему талмуду. Что-то про заклęcia и снадобья на все случаи жизни. Пролистав его, пришла к выводу, что под руку мне попала совершенно бесполезная книга. Последнее, что меня сейчас заботило, это свежий румянец да бархатистая кожа. Выводить бородавки при помощи чудотворной воды, настоянной на жабьем камне, я тоже не собиралась. Привораживать кого бы то ни было с помощью приворотного пойла не имею ни малейшего желания. Отваживать ретивого поклонника, которому «от поцелуев с вами станет дурно и более чем вероятно случится расстройство желудка», тоже.

А хотя... Перелистнула страницу обратно. Хм, интересное заклęcie. И последствия его не менее интересные. Для того самого ретивого поклонника. Вздумай Моран требовать с меня исполнение супружеского долга (а с этого мерзавца станется!), еще долго потом будет испытывать незабываемые ощущения.

Любовно погладив и прижав к груди старенький томик с таким полезным рецептом счастья (так себе, конечно, месть, но все же лучше, чем никакая), я собрала книги, которые собиралась взять с собой. Увенчала стопку «Заклęciaми на все случаи жизни» и поспешила вниз, в мыслях уже продумывая военную кампанию против подлеца-стража.

Глава 8

Папá наотрез отказался мне помогать. Меня прямо оторопь взяла, когда на следующий день он заявил, что мне следует простить мужа и во всем его слушаться. Видите ли, маркиз не ведал, что творил, и если кто и виноват в случившемся, так только одна Серен.

– Ты ведь не умеешь обращаться с магией, милая, и можешь себе навредить. Считаю, что было правильно на время лишить тебя силы.

Услышав это, я вновь испытала острое, почти болезненное желание кому-нибудь навредить. Причем навредить основательно, чтобы в следующий раз его чародейское вельможество дважды подумал, прежде чем перекрывать мне кислород в виде магии.

Изверг. Супостат. Подлец!

Близняшки – предательницы! – недалеко от папá ушли. Даже слушать меня не стали, сказав, что раз я не делюсь с ними своими секретами, то и им до меня нет дела.

Пришлось скрепя сердце смириться с наличием пыточного украшения и ждать возвращения благоверного, чтобы высказать все, что думаю о его демоновой заботе и о нем самом.

Зеркало разбить так и не удалось. При мысли о том, что в доме находится зачарованный предмет, благодаря которому этот паршивец может за мной следить, хотелось на стенку лезть. А потому, дабы не нервничать еще больше и по ночам не страдать бессонницей, я приказала слуге перенести подарок его светлости в конюшню. Поставить в стойло перед лошадью. Пусть маркиз любит ее рыжей мордой. Ну или тем, чем она к нему повернется.

Наконец наступило утро третьего дня. Я поднялась еще затемно и стала готовиться к непростому свиданию. Готовилась к нему и после завтрака, и после обеда. И даже несколько раз бегала в конюшню проверить, не появился ли маркиз и не вляпался ли в то, что припасла для него наша кобылка. Я специально велела прислуге не чистить в эти дни ее стойло.

Увы, страж снова меня обманул. Не явился он и на следующий день. Зато вместо дорогого мужа, когда на улице уже начало смеркаться, приехал Касьен.

Радости близняшек не было предела. Папá и мамá тоже несказанно обрадовались дорогому гостю. А я, увидев показавшегося из кареты шевалье, как всегда, щегольски одетого, в новом пышном парике, испытала странное чувство. Нет, не разочарование, но и радостной улыбки на лице не возникло.

Тем же вечером, оставшись со мной наедине, Касьен рассказал о том, о чем не удосужился поведать Моран. Вернее, я не удосужилась услышать.

– Значит, де Грамон мне не привиделся и он на самом деле в сговоре с Опаль. То есть с Серен. – Я на миг зажмурилась. – Никак не привыкну к тому, что бывшая жена моего мужа находится в теле его бывшей любовницы.

Касьен сочувственно вздохнул.

– Именно де Грамон помог Серен умереть. Обставил все так, будто на нее напал демон.

Мне вспомнилось послание, случайно обнаруженное в Валь-де-Манне. Короткая ужасающая фраза и широкий росчерк под ней с инициалами графа.

– Значит, они...

– Любовники? – Шевалье презрительно скривился, после чего залпом опрокинул в себя остатки яблочного сидра. – Вероятно. Еще один идиот, пленившийся красотой этой змеи подколодной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.